

Андрей Расторгуев

ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ

Андрей Расторгуев

Предел прочности

«Издательские решения»

Расторгуев А.

Предел прочности / А. Расторгуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837894-2

Лето 1805 года. В Европе сгущаются тучи, армия Кутузова выдвигается на помощь Австрии, готовясь к схватке с Наполеоном. А в это время на Кавказе разгорается русско-персидская война. Наместник и главнокомандующий князь Цицианов располагает небольшими силами против персов, чьи войска по численности больше как минимум в десять раз. Помощи ждать неоткуда. Как же поступит именитый грузин и титулованный русский? Кто будет защищать Кавказ?

ISBN 978-5-44-837894-2

© Расторгуев А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ	6
Глава 1, в которой русские идут на штурм Ганжи	7
Глава 2, в которой Карягин борется с хищными партиями	12
Глава 3, в которой Карабагское ханство вступает в российское подданство	17
Глава 4, в которой персы вторгаются в Карабаг	24
11 июня 1805 года	24
Глава 5, в которой к Лисаневичу идёт подкрепление	29
17 июня 1805 года	29
Глава 6, в которой тает надежда на соединение Карягина с Лисаневичем	35
Глава 7, в которой Пир-Кули-хан осаждает Карягина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предел прочности

Андрей Расторгуев

© Андрей Расторгуев, 2017

ISBN 978-5-4483-7894-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Расторгуев

ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ

«Русская армия 1805 года была лучшей из всех выставленных когда-либо против меня. Эта армия никогда не проиграла бы Бородинского сражения».

(Наполеон Бонапарт)

Глава 1, в которой русские идут на штурм Ганжи

03 января 1804 года

Ганжинское ханство, цитадель города Ганжа

Слева, где-то за дальними деревьями, слышалась непрерывная пальба из ружей и пушек. Вот и славно. Значит, команды поручиков Никшича и Егулова, начали фальшивую атаку. Как и условлено, в пять-тридцать утра. Стоило бы поспешить.

– Быстрее! – буркнул седовласый полковник Карягин торопливо семенящим рядом офицерам.

Всё равно кому. Команду подхватят и передадут. Будь это полковой адъютант Патрижицкий или даже квартирмейстер Суроков, какая разница? В одной упряжке все топают. Солдаты впереди несут длинные лестницы. Много лестниц...

Батальоны ускорились. Неприятель их пока не видит. Скрытно двигаются, используя сады и заборы. В отдалении сквозь голые ветви деревьев на фоне светлеющего неба отчётливо проступает круглый силуэт башни Кафер-бек. Лучше ориентира и желать не надо.

Перед 17-м Егерским полком поставлена задача овладеть Тифлисскими воротами. Они гораздо правее. Но и оборона там куда крепче.

Если удастся прорваться у Кафер-бека, то ворота, почитай, тоже взяты.

Здесь у Карягина два батальона его подшефного полка. Третий стоит в резерве, чтобы не дать неприятелю покинуть крепость и поддержать штурмующих в нужный момент. Другие ворота, Карабагские, с противоположной стороны в то же самое время атакует другой отряд под командой генерал-майора Портнягина. У него по батальону от Севастопольского и Кавказского гренадерских полков. Какие-то из ворот уж точно покорятся.

Башня заметно вытянулась. Уже видно стену и земляной вал. До него не более пятнадцати саженей...

Захлопали ружейные выстрелы. Грохнули пушки. Бойницы окутались белесым дымом. Последний бросок, и егеря скатываются в ров, перебегают его, лезут вверх по крутому склону вала. Им на головы сыпятся камни, летят стрелы.

Со стен срываются бесформенные горящие комья. Падая у подножия, они продолжают гореть, освещая подступы. Бурки, смоченные нефтью – догадался Карягин.

Огонь из ружей всё губительнее. На противоположной стороне тоже слышна пальба. Но молчат барабаны. Неужто, Портнягин ещё не поднялся на вал? Плохо, коли что-то пошло не так...

Егеря падают, не добегая до стен. Роняют лестницы. Их подхватывают другие. Приставляют к бойницам. Поднимаются друг за другом в стремлении скорее оказаться наверху. Кто-то срывается вниз, кто-то застревает, повиснув на лестничной перекладине или в амбразуре. Несколько лестниц татарам удаётся скинуть. Внизу бестолковая суета. Кажется, егеря немного растеряны. Эх, сбили с них пыль.

– А ну, за мной! – Карягин со шпагой в руке увлекает за собою весь полковой штаб.

Перебежали ров и земляной вал. Под Кафер-беком лестниц почему-то вовсе не видать.

– Иван! – позвал шеф своего адъютанта. Глотку особо рвать не приходится. Патрижицкий вот он, рядом бежит. – Господин поручик, передайте майору Лисаневичу, чтобы лестницы ставил как можно поспешнее.

– Слушаю!

Адъютант мчится к башне, ловко лавируя между бегущими солдатами. Быстро находит Лисаневича, передаёт приказ. Сам хватается ближайшую лестницу, помогая приставить к амбразуре, и лезет по ней, обнажив шпагу.

– Вперёд, ребята! С богом! – кричит Карягин, тоже бросаясь к ближайшей лестнице.

Эх, как же не хватает Котляревского, командира шефского батальона. Ранили его ещё в декабре, когда занимали крепостные предместья.

Похоже, Карягин попал в полосу наступления роты капитана Сахарова. Вот он, по соседней лестнице поднимается. Перед ним два егеря. Первый почти добрался до верха, хоть и ударило его камнем по плечу вскользь. Но не успел просунуть голову между мерлонами, как оттуда грянул выстрел.

Егерь с разmozжённой головой срывается вниз. Следующий солдат, поднявшись, ловко бьёт перед собою штыком и ныряет вперёд. За ним Сахаров. Машет шпагой. Вдруг опять выстрел. Капитан шатается. Его подхватывает солдат, и вместе они скрываются в амбразуре.

Карягин добрался, наконец, до боевой площадки. По пути потерял шапку. То ли камнем сбили, то ли пулей.

Холодный утренний ветер треплет мокрые волосы и ленту, стягивающую на затылке короткий хвост. Неприятеля поблизости нет. Лежит с десятков убитых татар и несколько егерей. Невдалеке Сахаров. Присел, за ногу держится. Зелёное сукно штанов и перчатки заляпаны кровью. Поблизости хлопочет солдат, колдуя с бинтом. Из-за мерлонов продолжают выпрыгивать егеря, сразу разбегаясь по стене.

Из башни появляется майор Лисаневич в сопровождении нескольких офицеров и солдат. Подходит к шефу.

– Ваше превосходительство, Кафер-бек взят! – козыряет радостно.

– Прекрасно, Дмитрий Тихонович. Ступайте со своим батальоном направо, ко второй башне. Она ключ к воротам.

– Слушаю!.. – Подождав, когда офицеры соберут свои роты, майор командует: – За мной!

И батальон с ружьями наперевес бежит по широкой боевой площадке в сторону башни Юхари-Кале. Вскоре там часто-часто гремят выстрелы, словно у кровавой баталии открылось второе дыхание.

На стену поднялись Никшич и Егулов со своими солдатами, бросившие за ненадобностью изображать нападение слева от Кафер-бека и воссоединившиеся с полком. Карягин как раз наблюдал за штурмом второй линии обороны.

– Вы как раз вовремя, – сказал поручикам и направил их на подмогу атакующим.

Солдаты затаскивали наверх и подавали во внутренний двор лестницы, которые потом несли к ретраншементу, ещё огрызавшемуся огнём. По-прежнему шёл жаркий бой и на Юхари-Кале.

«Эдак мы долго провозимся», – шеф огляделся.

– А где Патрижицкий?

– Ранен, ваше превосходительство, – подсказал Суроков, успевший побывать везде и всюду. – Камнем по голове досталось. В башне отлёживается.

– Тогда вы, господин поручик. Найдите штабс-капитана Парфёнова. Отправьте к воротам. Отпереть их надобно как можно скорее.

Молча козырнув, квартирмейстер бросился исполнять приказ. Через минуту Карягин увидел, как рота Парфёнова отделилась от общей массы егерей и потекла вправо.

Когда пальба в башне стихла, у ворот ещё гремели выстрелы. Но спустившийся вниз батальон Лисаневича быстро склонил чашу весов на сторону русских. Вторую линию обороны тоже прорвали. Чтобы довершить разгром большие силы там уже не потребуются. Кое-кого можно и на другой участок перебросить.

Подозвав к себе капитана Дьячкова, шеф приказал:

– Атакуйте последнюю башню Каджи-хан.

– Слушаю, – взял тот под козырёк и повёл егерей на шум боя.

– Парфёнов цел? – спросил полковник у запыхавшегося Сурокова, только что прибежавшего из освобождённой башни.

– Точно так, ваше превосходительство. Майор Лисаневич докладывает, что Юхари-Кале и Тифлиссские ворота наши. Он оставил роту Парфёнова в прикрытии, а сам с батальоном штурмует Каджи-хан.

Они прошли по боевой площадке. Осмотрели заваленную трупами башню, распахнутые настежь ворота, через которые ровным строем входил резервный батальон. Добрались до Каджи-хана.

Бой здесь только закончился. Трупов ещё больше, чем в Юхари-Кале.

На самой большой пушке лежал изрубленный ганжинский правитель Джевад-хан. Богатая одежда вся в крови, но саблю из руки так и не выпустил. Видать, до последнего бился. Надо же, как написал Цицианову, грозившему предать его позорной смерти, «найдёшь меня мёртвым на стене», так и поступил. Погиб, защищая свой город. Редкая черта для азиатца, достойная уважения.

– Смотрите... Это же капитан Каловский. – Суроков склонился над бездыханным телом офицера в светло-зелёной егерской форме.

«Действительно, Каловский», – всмотрелся в бледное, умиротворённое лицо Карягин. В сердце кольнуло. Всегда тяжело воспринимал весть о смерти кого-либо из своих офицеров. Да что там офицеры – солдат жалел. Сколько их горемычных не от пули татарской, так от болезни лихой со свету сгинуло. Всех не перечесать. А уж офицеры, с кем виделся не раз и не два на дню, краюху хлеба делил, а бывало и чарку горькой выпивал... «Эх, Сергей Иванович, что же ты... Я ведь ещё подпоручиком тебя знал...»

Понуро спустились в город. Стрельба практически прекратилась. Лишь кое-где нет-нет да пальнут. Похоже, неприятель повсеместно сдавался в плен.

Отправив Сурокова с рапортом к главнокомандующему, Карягин с несколькими оставшимися при нём офицерами шагал по улицам, наблюдая, как егеря собирают брошенное оружие и уводят сдавшихся. Вблизи площади услышал женские стенания и детский плач. Пошёл на звуки. Увидев шеренгу егерей перед толпой рыдающих и галдящих женщин, спросил у седовласого унтера:

– Что здесь происходит?

– Да вот, ваше превосходительство... Почитай, все бабы ихние туточки с детишками собрались. Орут, спасу нет. Думают, наверное, что мы на смертоубийство пойдём. Некоторые даже крестятся, хоть и басурмане...

Со стороны мечети раздались частые выстрелы. Толпа заголосила ещё сильнее.

– Давай-ка, любезный, веди эту богадельню к башням. Пуцай там пока посидят, – сказал Карягин и поспешил на звуки выстрелов.

Подбегая к мечети, увидел колонны солдат, прорывающиеся сквозь огонь с минаретов.

Невдалеке стоял майор Севастопольского полка.

– В чём дело? – поинтересовался у него.

Офицер отдал честь.

– Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, в мечети засело до пяти сотен татар. Выбиваем.

– Не хотели сдаваться?

– А кто их знает. Может, и хотели, – безразлично пожал плечами.

– То есть?..

– Тут армянин один кричал, что там дагестанские лезгины прячутся. Вот мы спрашивать и не стали.

Всё ясно. Разбойные налёты дагестанцев настолько досаждали, настолько были жестоки, что солдаты могли попросту озвереть, услышав эти слова. Не мудрено, если никого в живых не оставят.

Понимая, что здесь его помощь не нужна, Карягин развернулся и пошёл прочь.

09 января 1804 года

Ганжинское ханство, Ганжа, ханский сераль

Зал, в котором князь Цицианов принимал Карягина, блистал роскошью. Богато украшенные орнаментом стены. Витиеватые росписи между карнизом и потолком. Повсюду ковры и подушки, особенно на возвышенности вдоль стен. Там, в углу, и уселись генерал с полковником.

– Отныне Ганжинское ханство будет упразднено, – вещал главнокомандующий. – Входящие в него земли станут округом, частью Российской империи. Город сей нареку Елизавет-полем. Вам же, ваше превосходительство, предписываю вместе с вверенным вам полком охранять новоприобретённую крепость, весь округ и Шамшадильскую волость.

Кустистые брови полковника поползли вверх:

– Со всем уважением, ваше сиятельство, но для одного 17-го Егерского полка это немалая территория. К тому же персияне после взятия Ганжи озлобятся. Как бы войной не пошли.

– Полагаю, войны нам теперь не избежать, – глядя в стену, задумчиво проговорил Цицианов. – Многие вассалы, увидев падение Ганжи, решат, что лучше быть с Россией нежели с Персией. Обратятся к нам в подданство. Персиянам сие вряд ли придётся по нраву. – Князь устремил на Карягина тёмные глаза. – Ганжинская провинция должна стать щитом для Грузии, а ваш полк – передовым солдатом в предстоящей войне. Но вы правы, Павел Михайлович. Вас надобно укрепить. Кроме казаков никого дать не могу, не обессудьте. И тех лишь полторы сотни. Привлекайте местных татар.

Привлечёшь их, как же. Легче сказать, чем сделать.

– Не так-то сие просто, – вздохнул полковник.

– Я и не говорил, что будет легко. Полагайтесь в основном на армянское население. Они нам благоволят. Да и вера у нас одна, христова. Но и магометане могут подсобить, ежели правильно с ними столкнуться. В общем, завоёвывайте доверие. А я чем смогу, тем помогу.

Наместник встал, показывая, что аудиенция окончена. Пожав тонкую кисть протянутой ему руки, Карягин удалился, немало озадаченный своими новыми обязанностями.

Взятие Ганжи действительно всколыхнуло соседние ханства. Поражённые этим известием, те сперва хранили молчание. Зато потом в Тифлис одно за другим потянулись посольства с выражениями кротости, смирения и желанием исполнить любую волю России. Из Карабагского и Шекинского ханств прибыли делегации с прошением о вступлении в российское подданство. Непокорная Имеретия в лице царя Соломона была вынуждена принять условия Цицианова и стать частью России, а с нею и подвластные Соломону Мингрелия и Гурия. Также искал российского покровительства абхазский правитель Келиш-бек.

Откровенно враждебным оставался эриванский хан, полагаясь на всеобъемлющую поддержку Персии. Он знал, что столкновение с Россией теперь неизбежно. И предстоит ему не те более-менее безобидные стычки, что происходили до этого, нет. Драка будет куда серьёзней – не на жизнь, а на смерть, как у двух львов, бьющихся за главенство в стае. Вцепятся друг в друга мёртвой хваткой и не разожмут челюстей, пока кто-нибудь не испустит дух. А в одиночку с Россией не справиться.

Теперь и Тегеран заволновался. Стараясь удержать уплывающие из рук вассальные ханства, персидский шах начал готовиться к войне, собирая войска в северных провинциях. Оста-

валось удивляться, насколько предвидел это Цицианов. Однако сам он вынашивал не менее грандиозные планы.

После завоевания Ганжи, присоединения Имеретии с Гурией главнокомандующий соби-рался идти на Эривань. А затем утвердить русское владычество на всём протяжении от Чёр-ного моря до Каспийского. Ни больше, ни меньше.

Другое дело, что сил для этого у главнокомандующего было недостаточно. Восемь пол-ков пехоты, один драгунский и один казачий. Вот и всё. Продолжались бесконечные набеги на Кахетию и Карталинию. Гибли люди, в том числе генералы. За короткое время не стало грозы лезгин генерал-майора Гулякова и верного шефа 17-го Егерского полка генерал-май-ора Лазарева, чьё место после него занял Карягин. Последнему же пришлось отслеживать не только действия персидских войск, но и наблюдать за соседними с Ганжинским округом ханствами. Кроме того, вызывали сомнения подвластные татары с их правителями, готовые в любой момент предать, действуя по наущению персидского шаха. Знай себе, держи ухо востро.

Ещё и хищнические партии татар досаждали. Вечно подходили к новонаречённому Ели-заветполю то с юга, то с севера, то с востока. Никакого покоя от них...

Глава 2, в которой Карягин борется с хищными партиями

05 апреля 1804 года

Ганжинский округ, пастбище под Елизаветполем

– И где, скажи, эти чёртовы персияне? – спросил Степан Суроков у армянского сотника.

Они скакали в сопровождении пятидесяти казаков и десятка конных армян, которыми командовал Бекешев. Третий круг нарезали, но ни персидских всадников, о которых говорил шеф, ни оставленных ими следов так и не увидели.

– Этот вопрос надо задать тому, кто отправил нас сюда, – спокойно, по-философски заметил армянин.

Здесь, в десяти верстах от Елизаветполя, пасся табун полковых лошадей. С ними также были артельские, казённые и офицерские. Словом, всех собрали. Выставили охрану из пятидесяти егерей и двадцати казаков, поскольку падкие на чужое добро татары периодически пытались этот табун увести.

Сегодня ночью непонятно какими путями Карягин получил известие, что со стороны Шуши сюда движется хищная персидская партия. Вот и поднял поручика Сурокова. Ты, мол, заведешь продовольствием для лошадей, тебе и отдуваться. Сказал бы просто, что послать больше некого. Два батальона, которые стоят в городе, вечно нарасхват. То хищников надо преследовать, то татар умирять, то караулы нести. Третий батальон, тот вообще в Елизаветполь не заходит. По всей округе рыщет.

Теперь и Сурокову пришлось...

– Да нет здесь никого, – бросил он в сердцах. – Может, они вовсе не к нам шли. Давай возвращаться.

– Как скажешь, уважаемый, – с обычным для него спокойствием отвечивал Бекешев.

Они повернули. Дорога домой не в пример короче, но на полпути к Елизаветполю армянский сотник вдруг придержал коня.

– Смотри-ка, – ткнул нагайкой в дорожку следов, чёрной полосой пересекавшую поле.

– Не меньше сотни верховых, – со знанием дела заявил один из казаков. Показал остриём пики вправо: – Туда ускакали.

– Давайте поглядим, что за конники у нас тут разгуливают.

Суроков повёл отряд вдоль найденного следа. Верхом он держался не хуже любого казака или армянина. Не даром во Владимирском драгунском полку служил. Только третий год в егерях. Вспомнилось, как ходили в кавалерийскую атаку, размахивая сверкающими палашами да саблями. Земля дрожала, разлетаясь из-под копыт.

Встречный ветер в лицо. За спиной дробный топот шести десятков лошадей. Кто перед ними устоит? Да никто!

Следы, плавно заворачивая, повели в сторону Карабага. Значит, и вправду персияне.

Уверившись, что гонится за хищниками, Суроков прибавил ходу. Не заметил, как проскакал двадцать с лишним вёрст, как след нырнул в балку...

Едва въехали в низину, со всех сторон, откуда ни возьми, показались персы. Грохнули выстрелы. Вскрикнув, упал Бекешев. Метались в панике казацкие лошади без седоков.

– Не робей, братцы! Вперёд! – выхватив шпагу, прокричал Степан и стремглав бросился на перегоревшую выезд толпу всадников.

Его послушали, припустив следом. И даже прорвались. Но не все. Только тридцать казаков и восемь армян. Среди них, к сожалению, не было ни сотника Бекешева, ни квартирмей-

стера Сурокова, оставшихся лежать в балке, уставясь остекленевшими глазами в чистое апрельское небо Закавказья.

От спасшихся Карягин и узнал о бойне. Вызвал к себе Лисаневича. Вкратце поведав о случившемся, распорядился:

– Возьмите ваш батальон, одно орудие и охотников из армян. Проследуйте к той балке и постарайтесь настичь хищников.

Быстро собравшись, майор выступил к месту разыгравшейся трагедии.

Персидских конников он там, конечно же, не застал. Да и нагнать не смог. Сделав своё чёрное дело, те убрались восвояси. Пришлось вернуться ни с чем, если не принимать во внимание подобранные трупы Сурокова и прочих убитых из его небольшой команды.

Слушая доклад Лисаневича, шеф хмурился. Долго молчал, когда майор закончил. Потом вздохнул, сказав куда-то в сторону, будто святому духу исповедовался:

– Господи! Что за место такое, со всех сторон атакам подверженное. На севере лезгины шалят. На юге и на востоке персияне лютуют. Люди впроголодь живут. Войска растянуты, а его сиятельство ещё требует сильный пост учредить в Самухе. Это же пятьдесят вёрст на север. А как его учредишь, ежели слухи ходят о великом числе Баба-хановых войск. – Он посмотрел на Лисаневича. – И тебя в Шамшадиль не отправлю.

Майор в недоумении выгнул бровь:

– Вопреки приказу главнокомандующего?

– Отпишу ему, конечно. Всё же требуется разрешения испросить. Но пока оставлю, как есть. И без того людей не достаёт. Каждый день сильные караулы ставим на охрану форштадта и деревеньки той армянской, как бишь её...

– Калисканд.

– Во-во, Калисканда этого. Табун ещё стереги. Ну, отправлю я отряды в Самух и Шамшадиль, что с того? Совершенно некого будет отражать в крепостной караул. А мы и так людей теряем...

Шеф снова понурил голову.

04 сентября 1804 года

Ганжсинский округ, урочище Али-Булах

Табун уберечь всё же не удалось. Долго зарились хищные татары на лошадок. В итоге в начале мая увели-таки почти триста голов из-под самого носа. Под стенами форштадта паслись. А были там не только полковые, но и казённые, артельные, партикулярные, офицерские, а также артиллерийские и казачьи лошади.

На просьбы Карягина об усилении гарнизона князь Цицианов обещал прислать батальон Севастопольского мушкетёрского полка при двух орудиях. И это не смотря на то, что главнокомандующий собирал войска для похода на Эривань. Туда же намеревался идти с основными силами персидской армии наследник шаха Аббас-Мирза, чтобы с разных сторон вторгнуться в Грузию, где изнутри действовал опальный грузинский принц Александр, вечно мутивший воду, пытаясь поднять людей на бунт.

В первых числах июня Цицианов двинул в Эриванское ханство четырёхтысячное войско с двенадцатью орудиями, предписав Карягину охранять Елизаветполь и весь округ с «величайшей осторожностью и бдительностью». Как и раньше, советовал привлечь к этому делу конных охотников из шамшадильских татар и армян.

На Шурагельской равнине Цицианова встретил персидский авангард числом в двадцать тысяч всадников. Они сошлись двадцатого числа близ Эчмиадзинского монастыря, где русские сомкнутым строем и губительным огнём из ружей и пушек рассеяли беспорядочные конные толпы неприятеля. Узнав об этом, Карягин не сомневался, что князь обязательно дойдёт

до Эривани, как бы ни старался помешать ему Аббас-Мирза. И уже второго июля Цицианов осадил столицу.

Не так-то просто взять город на высоченном утёсе с крутыми откосами, обнесённый двумя рядами крепостных стен, окружённых широким и глубоким рвом. К тому же когда эту крепость обороняет семитысячный гарнизон с шестью десятками орудий.

Осада длилась два месяца, но успеха не принесла. Пришлось возвращаться ни с чем, поскольку Цицианов оказался отрезан от Тифлиса неприятельскими отрядами. Принц Александр поднимал мятеж в Грузии, а на Кавказской линии, пользуясь малочисленностью войск, восстали осетины, тагаурцы и тиулинцы. Надо полагать, не без деятельного участия Аббас-Мирзы. Ещё и лезгины вновь повадились грабить Кахетию.

Неспокойно было и в Ганжинском округе. Здесь в августе появился Угурли-ага, старший сын убитого Джевад-хана, с тремя тысячами нукеров. Пытался возмутить шамшадильских татар. Пришлось Карягину двинуть туда один батальон с двумя орудиями, который до сих пор оставался в Шамшадиле, карауля выход из ущелья, куда отступил Угурли-ага. Самим соваться в горы не было никакого резона. Местные жители помогать отказались, опасаясь за свои семьи. Соседи, да и свои же земляки, выступающие против русских, вполне могли отомстить. А мстят здесь жестоко...

Но Угурли-ага и не думал бездействовать. В конце месяца он с отрядом в семьсот человек появился в другом месте, ворвавшись в кочевья аврюмцев. Получив об этом известие, Карягин сам двинулся туда с шефским батальоном при одном орудии. На реке Качхор в урочище Амамлу наткнулся на неприятельские пикеты, но те, не приняв боя, отступили.

Это было вчера. Сегодня же, встав лагерем в урочище Али-Булах, Карягин решил осмотреться. Дорога здесь расходилась в трёх направлениях. Бог его знает, где сейчас враг. Пойдёшь не туда и разминёшься. А то, чего доброго, со спины тебя прижмут.

Влево тянулось глубокое ущелье, сразу не понравившееся шефу. Туда-то в первую очередь он и направил капитана Дьячкова, дав ему сорок егерей и двадцать казаков.

– Ваше благородие, там татары! – доложил Дьячкову казак из высланного вперёд разъезда.

– Много?

– До тысячи.

Отлично. Вот, значит, где Угурли-ага окопался.

– Далеко?

– С полверсты отсюда будет.

Это порядка четырёх вёрст от русского лагеря. Надо сообщить Карягину.

– Наблюдайте за ними, но тихо, чтобы вас не заметили.

– Будет сделано, ваше благородие.

Казак ускакал, а Дьячков, составив на скорую руку донесение, отправил с ним другого казака. Долго ждать не пришлось. Вскоре появился капитан Котляревский, который привёл сотню егерей. Все взмыленные. Бежали, небось.

– Что у тебя, Ларион? – спросил вновь прибывший, обмахиваясь шапкой.

Они давно на «ты». Почти ровесники, молодые дворяне, с юных лет в армии – оба начинали рядовыми в Кубанском Егерском корпусе. Вместе, как говорится, не один пуд соли съели. Чего им друг другу выкать?

– Татары, Пётр. Чуть меньше тысячи, – ответил Дьячков, успевший сам подняться на холм и осмотреть неприятельское войско.

– Все конные?

– А то как же.

– Фальконеты есть?

– Нет, вроде. По крайней мере, я не заметил. Вряд ли Угурли-ага будет их таскать.

– Согласен, даже если там не он.

– Больше некому. Карягин-то где?

– Следом идёт. Батальону, сам понимаешь, немного дольше собираться.

– Понимаю, только Угурли-ага уйти может.

– Верно говоришь, Ларион. – Котляревский хлопнул товарища по плечу. – А мы с тобою на что? Свяжем его боем, пока батальон подтягивается. Значит так, выходим из ущелья в походном порядке, делая вид, что совсем не ожидали встретить здесь неприятеля. Поспешно перестраиваемся в каре. Увидев, как нас мало, татары обязательно нападут, вот увидишь. После отбития атаки отступаем. Что сделает враг?

– Известно что. Перекроет ущелье, чтобы не дать нам уйти.

– Виват! – Взмахнув шапкой, Пётр нахлобучил её на голову. – И тогда мы атакуем во фронт, а подоспевший батальон с тыла.

– Годится, – улыбнулся Дьячков. – Только я в передовом фесе.

– Так вперёд... – Котляревский отошёл к солдатам. – Ну как, ребята, успели отдохнуть?

– Уж лучше вовсе не отдыхали, вашскродь, – отозвался весело кто-то из егерей. – Так бы и топали, не сбивая охоту, да басурман штыком кололи.

– Будет тебе, Сидоров, и штык, и басурмане... Прошу господ офицеров ко мне!

Когда подошли командиры взводов, Пётр кратко посвятил их в свой план. Указал каждому место в боевом порядке. Убедившись, что все уяснили задачу, быстро закруглился:

– Стройте солдат во взводные колонны...

Впереди ехали казаки, не сильно удаляясь, чтобы вовремя спрятаться за пехоту. Следом шагали егеря капитана Дьячкова, дальше – сотня Котляревского.

Завидев русских, татары загалдели. Повскакивали на коней и всей толпой ринулись на колонну, которая торопливо перестраивалась в каре. Коробка получилась небольшая, что в немалой степени раззадорило неприятеля, уже мнившего себя победителем. Улюлюкая, всадники неслись напрямик на выставленные штыки. Первые выстрелы, как и предполагалось, не смогли охладить их наступательный порыв.

Сделав три залпа, русские пошли вперёд, навстречу несущейся коннице. Для татар это было в диковинку. Обычно враг, если его меньше, бежал без оглядки, стараясь поскорее скрыться. Эти же прут напропалую, словно страха в них нет.

Сшиблись...

Три хлипких шеренги пехоты, ощетинившихся стальными штыками, не дрогнули, не прогнулись. Наоборот! Налетевшая конница рассыпалась, потеряв сразу несколько десятков человек. Нет, не прост враг. Нахрапом его не возьмёшь.

Неприятельские всадники обтекли строй, успокаивая израненных коней. Теперь они за спинами русских.

– Каре, стой! – скомандовал Котляревский. – Кру-гом!

Задние шеренги стали передовыми. Пётр оглянулся на Дьячкова, весело крикнув:

– На этот раз я в голове! – И тут же скомандовал: – Вперёд маарш!

Коробка двинулась обратно.

Татары атаковать не спешили. Заняли высоты у выхода из ущелья. Приблизившихся русских встретили беспорядочной пальбой.

– В штыковую, братцы! Ура!

Егеря побежали, подхватив клич. Быстро взобрались на холм и ударили в штыки. Слева и справа выкатились казаки, зловеще раскачивая опущенными пиками. Ещё не веря, что не может победить горстку врагов, Угурли-ага отчаянно сопротивлялся. Однако его нукеры отступали. А тут вдруг сзади грянули выстрелы. Откуда ни возьмись появился другой русский отряд, более крупный. В ущелье он, что ли, прятался?

Неприятеля рассеяли. Ночью Угурли-ага снова ушёл в горы за верховья Шамхора, очистив аврюмские кочевья. А утром в лагерь Карягина явились агалары из тех кочевий. Винулись, что приняли у себя ханского сына. Ну да, не примешь его, когда с войском пришёл. Как снег на голову свалился.

Карягин простил. Потребовал только, чтобы кочевники подтвердили присягу, данную ими на верность Государю императору, и, поразмыслив, переселил их ближе к Елизаветполю.

Глава 3, в которой Карабагское ханство вступает в российское подданство

18 января 1805 года

Ганжинский округ, Елизаветполь, штаб-квартира шефа 17-го Егерского полка

За окном шёл снег. Падал крупными хлопьями, скапливаясь на земле мокрой кашей, которую месили ногами люди и кони.

Кто бы знал, какой вредный климат здесь, в Ганже, ждёт русского, по сути северного человека. Слякотная зима и невероятно жаркое лето вызывали болезни. Да что там болезни – настоящие эпидемии. По лету в городе царила невероятная духота. Совершенно нечем дышать. Батальоны приходится выводить в предгорные сёла, где хоть немного прохладнее. Оттого идея использовать ханский дворец под казармы не прижилась.

В гарнизоне бушует лихорадка, буквально выкашивая людей. Из сорока обер-офицеров только тринадцать в строю. Унтеров едва ли половина от списочного состава. Рядовых целой роты не достаёт, а музыкантов, тех и вовсе меньше трети.

Карягин тяжело вздохнул. Кабы виноватым его не сделали. Придётся ещё отвечать перед главнокомандующим, дескать, довёл подчинённых до ручки. Одно утешает – боевой дух в полку по-прежнему высок. Любую задачу поставь, егеря в лепёшку расшибутся, но выполнят.

«Лекаря всё же у него выпрошу. Пусть разбирается с этой напастью».

...В дверь постучали. Не получив ответа, в комнату заглянул поручик Павленко, новый адъютант вместо тяжело заболевшего Патрижицкого, не так давно ставшего штабс-капитаном. Того тоже лихорадка одолела. Совсем измучился. Судя по всему, последние деньки доживает. М-да, жаль парня.

– Ваше превосходительство, здесь майор Лисаневич.

– Зови, – равнодушно бросил Карягин, продолжая смотреть в окно.

Он сам вызвал майора, чтобы поручить ему важное дело. С главнокомандующим всё давно согласовано.

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – придерживая шпагу, шагнул через порог высокий, статный Лисаневич.

На сапогах разводы. Видно, что грязь вытирал. Мокрую шинель оставил, видать, в прихожей.

– Здравствуйте, Дмитрий Тихонович. Присаживайтесь. – Карягин показал на кресло. Дождавшись, пока майор усядется, сразу перешёл к сути: – По приказу главнокомандующего вы отправляетесь в Карабагское ханство к тамошнему владельцу Ибрагим-хану.

Сев напротив, полковник выжидательно посмотрел на Лисаневича. Тот оставался подчёркнуто спокойным, не выказывая нетерпения или заинтересованности.

Покряхтев, Карягин продолжил:

– Знаете, наверное, что год назад его сиятельство предложил карабагскому хану защиту русскими войсками. Так вот, хан ответил согласием.

– Долго же он собирался, – одними губами улыбнулся Лисаневич.

– Это важный политический вопрос. Можно сказать, судьбоносный. Быстро его не решишь. К тому же обладание Карабагом выгодно не только нам, но и Персии. Наверняка персидский шах склонял Ибрагима на свою сторону. Тому пришлось хорошенько всё взвесить.

– Лишь бы это не оказалось банальной отговоркой, имеющей целью избежать нашего похода на Карабаг. Возможно, предложение персиян тоже было принято. Азиятцы, как мы ни раз убеждались, зачастую ведут двойную игру.

Да, не зря он выбрал для этого поручения именно Лисаневича. Умный офицер, хорошо разбирающийся в особенностях местной жизни.

– С этим не поспоришь, – кивнул Карягин. – Только персидский шах, похоже, начал не с того. Он отправил в Карабаг значительное войско со своим военачальником Абдул-Фет-агою. Хотел, как видно, силой принудить Ибрагим-хана предаться Персии. Не получилось. Карабагский владетель наголову разбил их у Дизана.

– Вот как? – поднял бровь майор. – Что ж, это меняет дело. Выходит, Ибрагим-хан сжёг мосты?

– Выходит, что так. Вряд ли персияне это ему простят. К тому же Шуша хорошо укреплена. От неё всего восемьдесят вёрст до границы с Персией. С другой стороны, персиянам удобно использовать эту крепость для концентрации войск в случае похода на Грузию. Известно, что такие планы уже вынашиваются. Посему Ибрагим-хан просит его сиятельство князя Цицианова оказать ему помощь войсками, а также принять Карабаг в российское подданство.

– Не дурно, – только и сказал майор. Спohватившись, уточнил: – Меня, полагаю, уполномочили вести переговоры?

– Можно и так сказать, – ответил шеф уклончиво.

Поднялся, подошёл к столу. Взяв два запечатанных письма, вернулся с ними в кресло. Протянув Лисаневичу первый, более увесистый пакет, сказал:

– Здесь проект трактата о вступлении в российское подданство и личное послание Ибрагим-хану от его сиятельства. Отвезёте в Шушу и передадите из рук в руки. – Затем протянул второй конверт, поменьше. – А здесь предписание вам от главнокомандующего. Извольте ознакомиться.

Пока майор читал, Карягин тихо сидел в кресле, не говоря ни слова. Закончив, Дмитрий взглянул на шефа.

– Вопросы есть? – поинтересовался полковник.

– Я поеду один?

– Возьмите Джораева. Он языки знает. Выделю вам казаков для сопровождения. Ещё вопросы?

Вопросов больше не было. В предписании князя всё изложено чётко и в подробностях. Главное, что Лисаневич едет не просто курьером или посредником в переговорах – отдал письмо, привёз ответное и всё на этом. Нет, он должен досконально изучить фортификацию Шушинской крепости. Выяснить, способен ли хан доставлять продовольствие на пятьсот человек и возможно ли наладить туда проезд арбами.

Судя по всему, Цицианов был настолько уверен в неминуемом подписании трактата, что во всю строил планы по размещению в Шуше русского гарнизона.

14 февраля 1805 года

Карабагское ханство, Шуша, Ганжинская дорога

Родители Никия Джораева когда-то жили в Карабаге. Нужда заставила их бежать. Обосновались в Грузии, но всегда помнили о своих корнях, и память эту вместе с любовью к родине передали сыну. Теперь Джораев, грузинский дворянин армянского происхождения, рассказывал майору Лисаневичу о родном крае и о Шуше:

– ... Не армянское это название – Карабаг. Татары так прозвали. Означает «Чёрный сад», слушай. Какой же он чёрный? Ты летом его видел, да? Всегда Хамсой или Арцахом звался. Хамса – это пять. Союз пяти меликов. Братство хамсы. – Джораев помолчал, нервно дёргая повод лошади. Потом с грустью в голосе произнёс: – Было братство... пока иноплеменники не явились. Они уже везде хозяйничали. Один Карабаг нетронутым оставался, как остров

посреди бушующего моря. – Он вздохнул, будто сам жил в те далёкие времена и всё испытал на собственной шкуре. – Был такой мелик Шахназар, владетель Варанды. Разругался он с остальными меликами. Воевать начал с соседями, слушай. Понимал, да, что не справится один. Татар-кочевников призвал. А вожаком у них в ту пору был Панах-хан. Хитрая гадука. Перессорил всех меликов между собой, да. Кому-то в доверие втёрся, кого убил, кого вообще из вилайета выжил. Словом, захватил власть. Ханом всего Карабага себя сделал. Мелик Шахназар ему свою крепость отдал – замок Шуши-кала. Панах-хан его ещё сильнее укрепил. А со временем и столицу туда перенёс, когда со всеми меликами расправился. Персияне сколько ни пытались, не могли этот замок взять, слушай. Один раз только и вышло, уже при сыне Панах-хана, Ибрагиме. И то после того, как тот сбежал, да. Татары сами ему ворота открыли. Теперь это город Шуша. Такая вот история, слушай...

Дорога постепенно сужалась, превращаясь в тропу, петляющую по дну распадка. Его пологие склоны поднимались всё выше. Вскоре наверху, слева и справа, возникли две пузатые, круглобокие башни. От них навстречу друг другу сбегали вниз длинные, прямые стены, повторяющие рельеф местности. Сходились на самом дне, образовав над узким проходом глубокую стрельчатую арку.

– Главные городские ворота, – многозначительно, со знанием дела произнёс Джораев. – Ганжа-гапысы называются. Ганжинские то есть. Это северные, да. А ещё есть восточные, Агоглан-гапысы. На западе Эривань-гапысы. О них можно услышать и как о Халифали-гапысы, но это из-за деревни, через которую дорога на Эривань идёт. Есть и четвёртые, только я о них ничего не знаю. Восточные и западные ворота лишь для верховых и вьюков, а здесь и повозки могут ездить.

Их окликнули со стены, спросив кто такие. Створки заперты. Осторожничают. Не мудрено. Пятьдесят вооружённых казаков хоть и не великое по местным меркам, но всё же войско.

Никий ответил по-татарски, несколько раз повторив хорошо понятное всем в отряде слово «урус». Лисаневич разобрал немногим больше. Всё же поднаторел в языке за время службы на Кавказе. Правда, бегло, как Джораев, говорить не мог.

Пока Никий «обменивался любезностями» со стражей, Лисаневич оглядел арку, обрамлённую мозаичной кладкой из красиво чередующихся тёмных и светлых камней, крепкие стены в десять аршин высотой, башни в отдалении... М-да, любо-дорого здесь оборону держать. Удобных подступов практически нет. Единственная дорога слишком крута и заужена. Больше походит на коварную ловушку. Достаточно поставить два орудия, чтобы на корню пресечь любые попытки приблизиться к воротам. Пушечный огонь отобьёт всю охоту к штурму, нанеся непоправимый урон.

Полностью заблокировать небольшую крепость не получится. Участок нагорного плато, на котором она стоит, окружён отвесными скалами, густым лесом и глубокими оврагами. Осаждающим ни за что там не пройти. Зато гарнизон может легко получать продовольствие извне. Лишь здесь, на севере, где можно подняться в гору, есть крепостная стена. Высокая, надёжная, с идеально ровными пролётами и далеко выступающими сторожевыми башнями, позволяющими вести губительный фланкирующий огонь.

Идеальное место для размещения войск. И климат куда мягче, нежели в Елизаветполе.

Наконец, ворота распахнулись. В крепостном дворе русских встретили несколько бородачей, с головы до ног обвешанных разномастным оружием. Один из воинов держал под уздцы вороного жеребца, настоящего красавца. Лисаневич невольно залюбовался конём. Тот ни секунды не стоял на месте. Нетерпеливо топал, играя рельефными мускулами, всхрапывая, обмахиваясь хвостом и вздёргивая головой. Ему явно не терпелось пуститься вскачь. Но хозяин, солидный горец лет сорока в лохматой папахе, такой же чёрной, как и его густая бородаща, держал крепко. Ещё и бормотал что-то успокаивающе, поглаживая жеребца промеж раздувающихся ноздрей.

Когда Лисаневич приблизился, в него упёрлись две пары внимательных глаз – человека и животного. До странности одинаковые взгляды.

Владелец вороного бросил несколько скупых слов, отдавая распоряжения:

– Ваши нукеры останутся здесь. Можете взять не больше десятка. Я провожу вас к хану.

Сразу видно кто здесь главный.

– Хорошо, Мухаммед-ага, – ответил Джораев.

– Что за Мухаммед? Ты его знаешь? – Майор кивнул на всадника, лихо запрыгнувшего в седло.

– Да. Это Мухаммед-Кули, старший сын Ибрагим-хана.

– Сам наследный принц? Надо же. Ну, раз нам оказана такая честь, то конвой, думаю, не потребуется. Поедем вдвоём.

– Как скажешь, майор-джан.

Мухаммед сопровождал «урусов» до самого дворца, который напоминал маленькую крепость со стенами и башенками. Вместе с приехавшими вошёл во внутренние покои. Перед залом, где в окружении беков сидел Ибрагим-хан, попросил подождать.

Вернулся он быстро. Не закрывая дверь, пригласил следовать за ним.

Отец Мухаммеда, разменявший восьмой десяток, но ещё довольно крепкий старик, полулежал на подушках в большом кресле с резной спинкой и подлокотниками. Широкая борода, некогда чёрная, а ныне вся в седых пробегаях, полностью закрывала грудь. Униженные перстнями пальцы вяло теребили костяные чётки.

Слева и справа вдоль стен тянулись покрытые коврами возвышения, больше похожие на длинные приступки. На них, поджав ноги, сидело порядка пятнадцати богато разодетых вельмож. Перед каждым на полу остроносые башмаки. Все с интересом поглядывали на вошедших.

После того, как Лисаневича представили, он произнёс давно заученную речь, повторенную по-татарски Джораевым, и вручил Ибрагим-хану письмо Цицианова с проектом трактата о вступлении в русское подданство.

Неторопливо, даже нехотя, будто ему поднесли прошение какого-нибудь простолюдина, карабагский правитель прочитал оба письма, составленных, надо полагать, на его родном языке. Передав бумаги сыну, пронзил майора колючим взглядом из-под густых, сросшихся на переносице бровей. Начал говорить, словно плёткой щёлкал – резко, делая короткие паузы после каждой фразы. Наверное, чтобы дать время Джораеву перевести.

– Я услышал вас, русские посланники. Теперь мы будем совещаться. Для этого я и собрал почтенный Диван. Прошу на время нас покинуть... Мухаммед, отведи гостей.

Они вышли. Что ж, здесь, в небольшой приёмной, тоже были постелены ковры и лежали подушки. На них и примостились. Только разуваться и поджимать под себя ноги не стали.

В «тронном зале», между тем, кипели настоящие страсти. Старейшины спорили так громко, что без труда можно было каждого услышать и разобрать слова. Жаль, тараторили быстро. Лисаневич не успевал схватывать.

– О чём толкуют? – спросил он Джораева, который тоже внимательно вслушивался в доносившуюся из-за двери перепалку.

– Пытаются отговорить Ибрагим-хана подписывать трактат.

– А он?

– Молчит. Пока только спрашивает. Они промеж собой спорят.

– Чего тут спорить. Либо к нам пойдут, либо персияне им на глотку наступят.

– Об этом и спорят, слушай. Кто-то кричит, что русские лишат Карабаг независимости...

Майор скептически фыркнул:

– Будто бы Персия им свободу на блюдечке преподнесёт.

– Вот-вот, слушай, этот крикун так и сказал. Если хотим быть свободными, да, надо к персиянам идти. Они, мол, наши единоверцы.

– Здесь и армяне живут. Христианский народ, между прочим.

– Вай, ты о чём? Когда это армян спрашивали? Нет больше братства Хамсы. Забыл? Татары в Карабаге правят... О, хан заговорил.

Действительно, галдёж смолк. Слышен единственный голос.

– Ну, чего там? – Лисаневич нетерпеливо толкнул в бок притихшего Джораева.

– Э, дай дослушаю, да. – Тот опять отвернулся, обратившись в слух.

Пришлось полагаться на себя. Дмитрий понимал через слово:

– ...Вы все прекрасно знаете о коварстве Баба-хана... Всё равно придёт на наши земли...

Будет жечь хлеба, уводить людей и скот... Я предпочту заключить союз с русскими...

Гул голосов. Кто-то недовольно высказывается, но хан прерывает:

– Мой внук будет залогом добрых отношений. Ему в аманатах обещано должное содержание.

Снова ропот. Несколько раз подряд звучит имя Мухаммед. Он-то тут причём?

Лисаневич не может ничего разобрать. Толкает Никия:

– О принце, что ль, заговорили?

– Да. По условиям трактата, оказывается, должны отдать в залог его сына в Тифлис.

Вот оно что. Азиаты зачастую содержат родственников подданных у себя в заложниках. Вполне обычная практика, в том числе, для Закавказья, успешно используемая и русскими. Такой своеобразный короткий поводок для вассалов. Окажешь неповиновение, у твоего родича голова с плеч.

Спор длился долго. Лисаневич и Джораев успели выпить всё вино и съесть все фрукты, принесённые ханскими слугами. Наконец, двери распахнулись, и галдящая толпа беков хлынула мимо слегка захмелевших русских на выход из дворца.

Вслед за иссякшим потоком появился Мухаммед.

– Хан желает говорить с вами, – сказал устало и посторонился, пропуская посланников.

Ибрагим, казалось, постарел за это время ещё лет на десять. Щёки впали, под глазами набухли мешки, глубже прорезались морщины...

– Передайте князю, что я согласен, – произнёс он глухо. – Пусть назначает время и место, где мы сможем встретиться и заключить договор.

На этом аудиенция была окончена. Мухаммед вывел гостей на улицу.

Пока ждали коней, Лисаневич, испытывая неловкость, попросил Джораева перевести:

– Прошу меня извинить, Мухаммед-ага. Я не знал, что в аманаты предложено передать вашего сына.

– Знай вы об этом, разве что-нибудь изменилось бы? – равнодушно бросил тот. – Нам не дано вершить свою судьбу самим. За нас это делает Всевышний. Если ему будет угодно забрать жизнь моего сына, так тому и быть. Никто не в силах противостоять великому промыслу.

– Надеюсь, этого не случится.

– Как бы там ни было, я утешусь тем, что рядом со мною остаётся мой старший сын Джафар, моя надежда и опора.

Чёрт! Выходит, ханский внук ещё совсем ребёнок. Невесёлая участь – с ранних лет заложником стать.

В зарослях сада, вплотную подступавшего к стенам дворца, послышался залиvistый девичий смех и весёлые детские голоса. Странно слышать столь обыденные, вполне себе мирные звуки после пережитого за день. Дети всегда остаются детьми. Будут играть и веселиться, пусть даже под грохот орудий, не замечая, что взрослые увлечённо разрушают окружающий мир.

Между веток замелькали пёстрые одежды ребятишек. Их стайка с шумом выпорхнула из-за деревьев. Девчонки с мальчишками хватали мокрый снег и швырялись друг в друга, не замечая стоявших у крыльца чужаков с Мухаммедом.

– Султанет! – строго прикрикнул принц.

Дети одновременно повернулись, перестав баловаться. Одна из девочек сноровисто подскочила к Мухаммеду.

– Да, братец? – взвился бойким перезвоном её высокий голосок.

Э, да она уже не ребёнок. Лет пятнадцать, наверное. Можно сказать, невеста. Девушки здесь рано выходят замуж.

Румяные, слегка припухлые щёки. Приоткрытый рот, из которого вырывается пар. Аккуратный, прямой носик, большущие глаза и тонкие, красиво изогнутые чёрные брови. На голове цветастый платок, обрамлённый бахромой из монет. Короткая меховая куртка, широченная юбка. Словом, восточная красавица.

Лисаневич не мог отвести взгляд, хотя прекрасно понимал, что нельзя так откровенно пялиться на девушку. Она, казалось, только теперь заметила гостей. Испуганно зыркнула на Джораева, потом на необычную одежду Дмитрия...

Их глаза встретились. Одно долгое мгновение русский офицер и татарка смотрели друг на друга. Потом она потупила взор, а Лисаневич стоял, точно пришибленный, мало что сообщая. Казалось, внутри всё вспыхнуло и отмерло. Ничего не чувствовал кроме бешено колотящегося сердца.

– ...Идите играть в сад, – говорил Мухаммед.

Казалось, он далеко-далеко, хотя стоял совсем рядом.

Словно во сне увидел Дмитрий удаляющуюся точёную фигурку девушки.

– Моя сестра, Султанет-бегим, – недовольно проворчал принц, но тут же улыбнулся. – Младшими детьми занимается. Присматривает.

Подвели коней. Лисаневич запрыгнул в седло. Бросил прощальный взгляд на деревья, среди которых, где-то в глубине сада, гуляет сейчас юная принцесса. Красивая и женственная, будто сошла с иконы Божьей Матери.

«Султанет», – повторил про себя, смакуя это замечательное имя...

Спустя ровно четыре месяца, Ибрагим-хан встретился с князем Цициановым в лагере на реке Кюрек-чай, в тридцати верстах от Елизаветполя. Там он и принёс присягу на верноподданство русскому Государю императору, подписав трактат.

Через неделю туда же прибыл его тесть, Селим-хан шекинский, который подтвердил присягой своё подданство, принятое ещё в начале февраля.

Это в конец обозлило Персию. Близ Тавриза собралась большая персидская армия числом порядка сорока тысяч человек, нацеленная на Грузию. Другая, едва ли меньше, квартировала в Карадаге, выдвинув сильные авангарды к Араксу и Эривани.

Чтобы дать отпор персам в случае их вторжения в Карабаг, майору Лисаневичу было предписано занять своим батальоном Шушу. Поскольку такая мера предусматривалась Кюрекчайским договором, сразу по его заключении Лисаневич вошёл в Шушинскую крепость с шестью ротами егерей и тридцатью казаками при трёх орудиях.

Он рьяно взялся за дело, чуть ли ни на каждом шагу сталкиваясь с откровенным саботажем. Пришлось приложить немало сил, чтобы наладить нормальные поставки провизии. Много нечестных дельцов попало под его горячую руку. Конечно, судебная власть по трактату целиком и полностью принадлежала Ибрагим-хану, но с ним кое-как удавалось договариваться. А вот с чиновниками...

Здорово помогал Мухаммед, часто закрывая глаза на «шалости» русского майора. Они даже сдружились. В конце концов, жёсткие методы возымели действие. Не желая связываться

с неуравновешенным Лисаневичем, которого хитрые уловки ханских чинуш буквально выводили из себя, татары старались угодить ему во всём, лишь бы поскорее отвязался.

Только-только всё начало налаживаться. Казалось, можно какое-то время поживать на лаврах, так нет же. Пришло известие, что персидские войска переправились через Аракс...

Глава 4, в которой персы вторгаются в Карабаг

11 июня 1805 года

Карабагское ханство, горная дорога примерно в 20 верстах от Худоафгеринской переправы на границе с Персией

– Живее, живее! Шевелитесь, мухи сонные! – подгонял своих егерей майор Лисаневич, нетерпеливо гарцуя на лошади.

В какой-то момент не совсем удачно дёрнулся в седле, и его двуугольная шляпа съехала набок.

– А, ч-чёрт! – выругался, нервно поправляя головной убор.

Солдаты, впрочем, и без того выкладывались. Шли спешно, не сбавляя шаг, хоть и дышали тяжело. С головы до ног покрыты пылью. Всё одинаково серого цвета – что мундиры, некогда светло-зелёные с фиолетовым стоячим воротником и обшлагами; что шляпы, так похожие на шегольские цилиндры аристократов, или сапоги, должны быть чёрными; что ружья; что круглые ранцы за спиной с притороченными флягами да чёрные же под сумки с португеей. Под козырьками мокрые лица в грязных разводах. Глаза щурятся на июньское палящее солнце, поднявшееся уже довольно высоко.

Дааа, жара. То ли ещё будет...

Майор смахнул перчаткой капельки пота с бровей.

До чего же досадно, чёрт побери! Простояли, почём зря, у этого полуразваленного моста через Аракс. Что забыл там Пир-Кули-хан со своим авангардом? Понятно ведь – не переправиться ему, предварительно не починив мост. В нём почти целая арка обрушилась. Надеялся, как видно, не встретить сопротивления. Не даром же персидский царь Баба-хан кичился тем, что русский главнокомандующий князь Цицианов тут же уйдёт в свою «мерзкую землю», едва появятся на Араксе «победоносные персидские войска».

Ну вот, появились. А русские тут как тут. Встречают гостей незваных. Правда, всего триста егерей при трёх орудиях да пара сотен казаков с карабагской кавалерией вместе взятых. И это против десяти тысяч только в авангарде. А сколько следом прёт? Судя по слухам, Баба-хан двинул на Грузию пятидесятитысячное войско своего сына Аббас-Мирзы. Ещё и сам обещал прийти, уже со стотысячной армией и четырьмя сотнями пушек.

Врёт, наверное, насчёт себя. Но Лисаневичу и авангарда Пир-Кули-хана более чем достаточно. Хочешь, не хочешь, а врагу надобно противостоять. Кто ж его встретит, если не единственный на весь Карабаг русский батальон 17-го Егерского полка во главе со своим полковым командиром? Остальные два батальона в Ганжинском ханстве, в Елизаветполе стоят, куда майор уже отправил известие о вторжении.

Персы пренебрегли своим численным превосходством, решив не лезть напролом. Ушли ночью ниже по течению, где в разных местах переправились вброд.

Хорошо, что Лисаневич распорядился насчёт разъездов из местных татар, которыми командовал Мухаммед-ага, сын Карабагского правителя Ибрагим-хана, оставшегося в своём замке, в Шуше. Ох, беспокойно там нынче с приходом персов. Как бы хану ни того... голову ненароком не скрутили. Главное, что его же собственные родственники народ баламутят. Вся смута дело рук одного из ханских сыновей и двоюродного брата.

«Эх, дали бы мне волю, давно бы эти предатели в петле болтались!»

Скрипнув зубами, Лисаневич пришпорил коня и помчался вдоль строя в голову колонны, где перед устало топающими егерями конские упряжи тянули тяжёлые пушки.

Едва узнав о переправе персидского войска через Аракс, он предпринял этот марш в надежде перехватить неприятеля на подходе к нижним Джебраильским садам. Авангард Пир-Кули-хана двигался по средней дороге, в обход скалистых гор. На это потребуется время. Тогда, рассуждал майор, следуя наперерез, вражеский отряд можно перехватить где-то в районе Гадрутского ущелья...

– Дели-майор, впереди персияне! – лихо подскочил Мухаммед на своём вороном жеребце, предметом давней, того же цвета зависти Лисаневича.

Русский начальник и бровью не повёл, хотя успел неплохо изучить татарский, чтобы знать как переводится его прозвище – «бешеный майор». Он, впрочем, не возражал. Пусть бешеный, лишь бы боялись. Это Кавказ, господа. Здесь только так, а не иначе. Либо тебя бояться и уважают, либо ты мертвец.

Показались персы.

Все конные. Идут большими толпами.

– Орудия ставь! – орёт майор. – Батальон! В каре!

Трубит валторна, бьют барабаны. Галдят офицеры с унтерами. Ржут лошади. Гремят отцепляемые лафеты, откидываемые крышки зарядных ящиков. Топот копыт и сапог, лязг оружия, крики, беготня...

Неприятельская конница уже не шагает по дороге, а бешено несётся лавиной на малочисленный русский отряд. Заметили. Улюлюкают радостно, предвкушая лёгкую победу.

– Штуцерники! На высоты! Открыть огонь!

Пока отборные стрелки, рассыпавшись, карабкаются по склонам, канониры наводят стволы пушек и запаливают фитили. Цель кучная, долго наводить не приходится.

– Пли!

Слитный грохот орудий оглушает. За белым дымом ничего не видно. Вот он рассеивается. На изломанном неровностями предгорье россыпь валяющихся тел, посечённых картечью. Но конная лава продолжает нестись. Прямо по павшим, сломя голову, не обращая внимания на русские пушки, уже вновь заряженные расторопными канонирами.

– Пли!

В дыму и пламени с оглушительным грохотом вылетает новая порция смертоносного металла. На высотах слева и справа хлётко щёлкают штуцерные залпы. Валяются всадники, кувыркаются лошади. Толпа персов редеет на глазах.

Вот они смешались, начав бестолково метаться из стороны в сторону.

Ещё выстрелы с высот. Дружный залп с переднего фаса каре. Новые убитые и раненые у врага. Наконец, не выдержав, персы бегут.

– В атаку! – кричит Лисаневич, обнажая шпагу, и батальон под мерный стук барабанов слаженно шагает вперёд.

Недалеко убежали нукеры Пир-Кули-хана. Оседлав ближайшиe высоты, открыли беспорядочный огонь. Закрепиться хотят. Не тут-то было.

– А ну, поднажми, братцы!

Чем ближе к склонам, тем больше шансов оказаться в мёртвой зоне. А там в штыки...

С холмов опять хлынула конница.

– Цельсь!.. – не растерялись ротные командиры. – Пли!

Уже совсем близко. За выстрелами отчётливо слышны крики раненых и дикое ржание подстреленных лошадей.

На флангах захлопали нарезные стволы. Молодцы штуцерники, сумели занять позиции. Сзади грохнули орудия, не давая охватить строй.

Всё равно обходят. Ну, теперь боковые фасы... Залп слева и почти одновременно справа. Кругом валяются трупы, но персы добираются-таки до передних шеренг. А там частокол из бле-

стящих на солнце игольчатых штыков. Нет, не пробиться сквозь них. Егеря умеют орудовать этими штуковинами.

– Пробил ваш час, уважаемый Мухаммед-ага, – говорит майор ханскому сыну.

Тот хищно улыбается, сверкнув белыми зубами сквозь густую чёрную бороду. Легко, словно пушинку, перехватив одной рукой короткий штуцер, дёргает повод. Бьёт коня пятками мягких сапог.

– Хай-я-ааа! – оглушает удалым криком и несётся, увлекая за собой всю карабагскую сотню и небольшой казачий отряд. Только длинные полы чохи разлетаются, трепеща у седла, словно крылья его быстрого скакуна.

Враг снова отступает. Славная виктория!

Неполных пять сотен русских обратили в бегство несколько тысяч персов!

– Персияне ушли за Аракс, – радостно сообщил Мухаммед, когда вернулся ближе к вечеру, ещё разгорячённый погоней.

– Надолго ль, – пробурчал в ответ Лисаневич, зная, что здесь был всего лишь авангард, вслед за которым непременно придут основные силы Аббас-Мирзы.

Сколько там у него? Вряд ли пятьдесят тысяч, как твердит молва. Но уж точно не меньше тридцати.

– Заночуем возле Джебраила, – сказал ханскому сыну. – До него не так далеко, а скоро стемнеет. Разезды у реки оставил? Не прозеваем персиян?

– Вай, зачем обижаешь, Дели-майор?

– Ладно-ладно, – примирительно улыбнулся русский, видя ничем не прикрытое притворство карабагца.

Мог бы и не спрашивать. Никто, пожалуй, из местной знати не вызывает большего доверия, нежели Мухаммед. Даром, что басурманин. Старший сын правителя уже не раз доказывал свою преданность. Нет, не зря князь Цицианов ему благоволит. Лучшего наследника на ханский престол и желать не приходится.

Принц давно женат, у него три сына. Не сравнить, конечно, с отцом, который настрогал шестнадцать детей в свои семьдесят с лишним лет, но ведь у Мухаммеда всё впереди. Ему только тридцать девять. Не то, что Лисаневич – почти три десятка прожил, а всё бобылём ходит. Службу начал восемнадцатилетним юнцом, когда величали его ещё не Дмитрием Тихоновичем и не «ваше высокоблагородие», а просто «сержант» или «Митька». До майора вот дослужился. А за душою что? Шрамы от ран да отцовское имение под Воронежем, в Саприной слободе. И то без крепостных. Ну, ещё Анна третьего класса на шпаге красуется. Эх, служить ему в армии до конца своих дней. Впрочем, ничего постыдного в том нет...

Ещё на реке Козлучай, при подходе к Худоаферинскому мосту, Лисаневичу донесли, что здесь побывал мятежный принц Абул-Фетх-ага, другой сын Ибрагим-хана Карабагского. Полная противоположность своему старшему брату. С самого начала воспринял русское подданство в штыки, сохранив преданность прежним хозяевам – Персии. Именно его стараниями волновался народ, постоянно подстрекаемый к бунту.

Выяснилось, что Абул-Фетх увёл за собой почти всех капинских и цицианских жителей в Ордубанские горы, к Нахичеванской границе. Ничего не скажешь, удобное время выбрал. Вот и верь после этого басурманам. Не зря предупреждал князь Цицианов, что на татар никакой надежды нет.

Отправляя Лисаневича в Шушу, он говорил:

– Надлежит занять нашими войсками дома с такой стороны, чтобы не подвергаться опасности от жителей и быть всегда вместе. Помните, вам придётся охранять ханство Карабагское от врагов как внутренних, так и внешних. Следите за поведением хана, дабы не сносился он с властелином Персии. Немедля озаботьтесь заготовкой продовольствия на три месяца при содействии Ибрагим-хана. Провиант принимайте в зерне, а не мукою, ибо неблагонамеренные

татары могут ко вреду здоровья солдатского молотъ её с семенами хлопчатой бумаги. Примеров тому предостаточно...

Измена, кругом измена!

14 июня 1805 года

Карабагское ханство, русский лагерь близ Джебраила

Ночь после боя прошла спокойно. Утром сыграли зарю. Офицеры провели смотр и, отправив солдат завтракать, потянулись на доклад в командирскую палатку. Всё обыденно, как в мирное время.

Майор вздохнул. Нет, нельзя себя обманывать. Кавказ не прощает легкомыслия.

Спокойно выслушав рапорты ротных офицеров, Лисаневич подвёл итог:

– В первой баталии, господа, мы одержали верх. Обошлись малыми потерями. Батальон остался боеспособным. Но теперь неприятель идёт сюда более сильным числом. Рапорт о наших делах главнокомандующему я направил. Пока прибудет подкрепление, стоим здесь. Посему приказываю: закрепиться на позициях; вести постоянный дозор; быть готовыми немедленно построиться, чтобы во всеоружии вступить в бой.

Весь день рыли редуты, окапывая пушки и сцепленные вагенбургом повозки. Кое-где попадался скальный грунт. Лопатами его не взять. Приходилось таскать камни, сооружая из них валы. Но русский солдат на редкость вынослив и, что самое главное, трудолюбив. С любой напастью справится, не впервой.

Пока егеря трудились на позициях, всадники Мухаммеда сновали туда-сюда, доставляя сведения с границы и ближайших окрестностей. Новости не радовали.

Персы, получив подкрепление, ожидаемо перешли Аракс. Но следовать дальше, вглубь Карабага, не спешили. Занялись грабежами. Разорjali селения и жгли посеы. Множество мелких отрядов рассыпалось по южным землям, неся смерть и опустошение.

«Уж лучше бы сюда пришли всей армией и дали бой», – думал майор, глядя на мрачнейшего день ото дня Мухаммеда.

Вечером тот с шумом ворвался в палатку Лисаневича. Потрясая письмом, как видно только что полученным, взволнованно заговорил:

– Мой брат... Он предал нас! Примкнул к персиянам!

– Кто? Абул?

– Да!.. – Мухаммед со злобой выругался на родном языке.

Его можно понять, брат всё-таки. Ну, не желал Абул-Фетх видеть русских в Карабаге, что с того? Последнее слово не за ним, а за отцом. А высказывать собственное мнение кто ж ему запретит.

Да, умыкнул часть жителей с приграничных земель. При желании можно и это оправдать радением о подданных, чьи веси вот-вот окажутся под пятой врага. Но скинуть маску, отбросив терпимость, и открыто перебежать к неприятелю, подняв меч на родную семью... Чертовски неприятная история, хотя Лисаневич нисколько не сомневался, что когда-нибудь это должно было произойти.

– В Шуше беспокойно, – продолжал делиться новостями Мухаммед. – Отец пишет, что жители напуганы слухами о несметных полчищах персиян. В любой час готовы принять их сторону и захватить крепость.

Час от часу не легче.

– Неужто всё так плохо?

– Хуже некуда. Отец в окружении врагов, хоть неприятеля ещё и близко нет. Я должен отправиться в Шушу, Дели-майор.

– Нас и так мало. Если мы лишимся твоей конницы...

– Пошли вместе! – Мухаммед порывисто схватил майора за плечо. – Очень тебя прошу. Надо спасать отца!

– Успокойся! – осадил принца Лисаневич, скинув его руку. – Перед нами неприятель. Уйдя отсюда, мы откроем персиянам прямую дорогу в Карабаг.

– Нам всё равно не выстоять. – Нервно жестикулируя, Мухаммед принялся ходить взад-вперёд. – Слишком не равны силы. Погибнем напрасно.

– Зато задержим. Дадим возможность собрать войска в Елизаветполе и двинуть сюда.

– Будет поздно, – не унимался принц. – Отца могут убить!

Он вдруг перестал метаться, застыв на месте, прямой, словно штык. Пронзив Лисаневича хмурым взглядом, решительно произнёс:

– Ты как хочешь, Дели-майор, а я со своими людьми уйду.

С этими словами он повернулся и зашагал к выходу.

– Постой! – вырвалось у майора.

Чёртов горец! Все планы насмарку. Без карабагской конницы отряд станет слабее чуть ли не вдвое. С кем прикажете персов сдерживать? Остановить на Араксе не получилось. Гоняться за мелкими отрядами, каждый из которых гораздо больше русского, нет никакой возможности. Остаётся только стоять и ждать, когда неприятель объединит свои рассеянные силы и сметёт смехотворный заслон из трёхсот егерей и горстки казаков. Так не лучше ли действительно укрыться за неприступными стенами Шушинского замка? А то ведь и его можно невзначай потерять.

– Выйдем завтра, на рассвете, – медленно проговорил майор. – Я отпишу главнокомандующему, что нас подвигли к этому неодолимые обстоятельства.

Глава 5, в которой к Лисаневичу идёт подкрепление

17 июня 1805 года

Грузия, Тифлис, Резиденция царского наместника и главнокомандующего русскими войсками на Кавказе

Заложив руки за спину, князь Цицианов задумчиво мерил шагами свой кабинет. Благо, здесь есть где развернуться. Огромное помещение, обставленное с аристократическим изыском.

Каблуки высоких сапог негромко стучат по блестящему паркетному полу. В такт шагов позвякивают шпоры. Длинный стол между высокими окнами застелен картой, закругленные края которой придавлены увесистыми пресс-папье.

Подойдя к столу, князь упёрся в неё руками. Нашёл Карабаг.

Ханство, с правителем которого только в мае подписан трактат о вступлении в российское подданство. Ни для кого не секрет, что пойти на этот шаг его вынудили обстоятельства. Ибрагим-хан далеко не прост, иначе не продержался бы столько у власти. Знает, когда и с кем дружить, а с кем ссориться. То Персии знаки внимания оказывал, то с Грузией союзы против России затевал, пока не оказался меж двух огней – с одной стороны Персия, с другой вплотную подобравшаяся Россия. Пришлось крутиться, выбирать. Кого посчитал более сильным, к тому и примкнул. Теперь граница Российской Империи проходит гораздо южнее.

Князь ткнул пальцем в синюю извилистую полоску Аракса.

Итак, персы решились на вторжение. Весть об этом Цицианов получил четыре дня назад. Сразу отписал в Елизаветполь полковнику Карягину, приказав ему взять свой шефский батальон 17-го Егерского полка и немедля выдвинуться на помощь Лисаневичу.

Не велика сила, конечно. В полку большой некомплект. Шестнадцать офицеров вместо положенных по списку сорока семи. Унтеров, тех вообще вполовину меньше, а рядовых так на целую сотню. И причина тому вовсе не бои, коих тоже хватало. Главный бич – лихорадки с горячками. Особенно сильно полк пострадал этой весной. Рекруты поступали, но мало. К июню прибыли далеко не все. К тому же, их надо ещё обучать. Поэтому в шести ротах Лисаневича в Шуше насчитывалось три сотни солдат, хотя должно быть вдвое больше. Карягин, судя по его докладам, тоже мог взять с собою лишь триста пятьдесят егерей и две пушки с канонирами. Все прочие – нестроевые, больные и необученные рекруты – останутся в Елизаветполе. Единственное, чем позволил Цицианов усилить батальон Карягина, это ротой Тифлисских мушкетёров. Тех самых, что двумя батальонами прибыли из Сомхетии на защиту города как раз на такой вот случай. А против них сорок тысяч персиян Аббас-Мирзы, за которыми идёт не менее сильная армия его папеньки, Баба-хана.

Палец князя заскользил по карте. Миновав Джебраил, Ах-Углан, упёрся в Шушинский замок. Цицианов постучал по нему аккуратно постриженным ногтем.

Там сейчас Лисаневич. Зря он отступил. Надо было сдерживать персов и, дождавшись Карягина, разом ударить по неприятелю с двух сторон. Тогда бы и разбили врага, и прогнали бы за Аракс. Малые силы не в счёт. Воюют не числом, а умением. Это всем известная Суворовская наука побеждать. Карягин из таких, уж Цицианов-то знал. Вместе Ганжу брали, ныне переименованную в Елизаветполь. Потому и назначил его шефом полка. Офицеры с егерями ему под стать, преисполнены мужества и отваги. Эти справятся. Выстоят, если надо, и неприятеля погонят. Но теперь...

Теперь, когда Лисаневич боязливо заперся в Шуше, а враг свободно разгуливает по Карабагу, полковник Карягин остался один на один со всей армией Аббас-Мирзы.

Дальше на север полуразрушенный Аскаран, Карагаджи-баба, Шах-Булах, Мухрат, Мардагис и, наконец, Елизаветполь. Не так уж и далеко, как может показаться. Персам с их конницей ничего не стоит пройти, а там и Тифлис поблизости.

17-й Егерский полк должен стать заслоном на пути наступающих. Задержать, пока Цицианов соберёт войска в единый кулак и двинет на врага. Заранее он этого сделать не мог. Попробуй пойми, откуда будет нанесён удар, если неприятель послал два сильных отряда одновременно и к Эривани, и к Араксу. Пришлось ожидать вторжения отовсюду, не трогая растянутые полки.

Теперь, с момента столкновения Лисаневича с Аббас-Мирзой всё встало на свои места. Замысел врага понятен. Однако даже сейчас князь может собрать в Тифлисе, в лучшем случае, тысячу штыков и десяток орудий. Оставалось надеяться, что этого хватит, чтобы успеть помочь Карягину с Лисаневичем.

Подкрепить бы их чем. Татарской коннице Ибрагим-хана доверия нет. Они уважают сильного. Стоит им только увидеть, что персы берут верх, тут же изменят. А пока будут выживать, избегая драться на чьей-либо стороне. И ведь в Карабаге таких большинство. Привлечь местных армян? А сколько их осталось? Постоянные набеги да жестокая борьба за власть сократили население в десять, а то и более раз.

Подумав, князь взялся за колокольчик. На громкий перезвон, мгновенно разлетевшийся по кабинету, в распахнутую дверь вошёл адъютант, подполковник Эристов, грузинский князь и верный друг.

– Слушаю, ваше сиятельство, – щёлкнул каблуками.

– Вот что, Елизабар, – неторопливо, с расстановкой заговорил наместник. – Давайте-ка составим с вами обещание карабагским армянам. Надо призвать их нападать на тылы неприятеля, соединившись с нашими войсками. Берите бумагу, пишите...

Часто макая перо в чернила, Эристов быстро писал под диктовку главнокомандующего. Через несколько минут воззвание было готово. Заканчивалось оно словами: «Опомнитесь! Воспримите прежнюю свою храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые армяне, как были прежде страхом для персидской конницы».

18 июня 1805 года

Ганжсинский округ, Елизаветполь

– Ну, давай прощаться, Константин Климович. – Карягин повернулся к майору Белавину. – Не поминай лихом, брат. Прости за всё, коли чем обидел.

Обнявшись, они расцеловались.

– Уж лучше бы я с вами отправился, нежели тут сиднем сидеть, – пробурчал майор.

– Трудным будет поход этот, – вздохнул полковник. – Многие тяжбы придётся вынести. Многих людей потерять, чудо-богатырей наших.

– Так и я ни к теще на блины напрашивался.

– С неспособными да немощными тоже кому-то быть надобно.

– Ну, спасибо тебе, Павел Михайлович. Уже и в немощные меня зачислил. Ежели на возраст намекаешь, так и ты не юнец давно.

Не соврал Белавин, шефу полка пятьдесят пять не за горами. Но и майору больше сорока. Несмотря на это, Карягин знал его, как офицера исключительно геройского. Впрочем, такими в полку являлись практически все. Но выбор старшего так называемой «инвалидной команды», остающейся в Елизаветполе, пал как раз на Белавина.

На лице полковника мелькнула улыбка:

– Ворчишь, словно старик. Хуже меня.

– Ладно, – махнул рукой майор. – Поезжайте уж с богом.

Когда командир запрыгнул в седло, Белавин осенил его крестным знаменем и взял под козырёк. Отдав честь, полковник в сопровождении штабных офицеров поскакал в голову построенной колонны.

– Батальон! Шагом... марш! – донеслось оттуда.

Затопала сапогами пехота, застучали копытами лошади, загремели по мостовой колёса орудий и обозных телег. Потянулась длинная змейка людей в зелёных мундирах мимо роскошного ханского сераля, мимо небольшой мечети, окружённой огромными чинарами. Казалось, их шевелящиеся на ветру большущие кроны машут на прощание уходящему войску своими разлапистыми серо-зелёными листьями.

Колонна шумно втянулась в жилые кварталы.

– Чего приуныли, братцы? – взвился вдруг над строем чей-то звонкий голос. – Идём, как на похоронах.

– Кто там такой горластый? – спросил Карягин ехавшего рядом Котляревского, командира шефского батальона.

– Да Гаврилка Сидоров, запеваля наш, – неопределённо мотнул головою майор.

– Как же, знаю. Справный солдат.

Между тем, Гаврилке ответили:

– Чего веселиться-то? Не на посиделки, чай, топаем.

– А ты уже заранее помирать собрался? Так отойди на край дороги да яму себе рой.

– Во-во, – подхватили в строю. – Ишо и крест не забудь вытесать с именем своим. Всё нам работы меньше.

Егеря рассмеялись.

– Разрешите песню, ваш скродь? – не унимался Сидоров. – Солдату с песней завсегда веселее.

Котляревский вопросительно глянул на шефа. Тот кивнул, качнув лохматым султаном на шапке.

– Запевай! – с готовностью крикнул майор за спину.

Тут же полился, зажурчал высокий солдатский голос:

– *Солдатушки, браво-ребятушки,*

А кто ваши жёны?

Несколько сот глоток вмиг подхватило, грянув басами, распугивая местных собак, опрометью бросившихся к своим дворам:

– *Наши жёны – пушки заряжёны.*

Вот кто наши жёны!

Так и пели. Сидоров как бы спрашивал товарищей:

– *Солдатушки, браво-ребятушки,*

А кто ваши дети?

И те хором отвечали:

– *Наши дети ружья, пистолети.*

Вот кто наши дети!

Жители прильнули к заборам, высыпали на улицы. Детвора стайками вилась возле марширующих егерей, которые старательно чеканили шаг под песню. А над городом гремело:

– *Солдатушки, браво-ребятушки,*

А кто ваши матки?

– *Наши матки бельё палатки.*

Вот кто наши матки!

– *Солдатушки, браво-ребятушки,*

А кто ваши отцы?

– Наши отцы русски полководцы.

Вот кто наши отцы!

Миновав два моста, батальон вышел из ворот. Уже за городом песню допели:

– Солдатушки, браво-ребятушки,

А кто ваши деды?

– Наши деды славные победы.

Вот кто наши деды!

Внешняя землелитная стена Елизаветполя с выступающими бастионами осталась позади. Колонна шла по зелёной равнине, орошаемой речкой Ганжа. Впереди ещё много равнин и рек, которые предстояло пройти. Пройти под жестоким огнём неприятеля, вторгшегося в Карабаг. Пока же все живы и здоровы. Маршируют бодро, воодушевлённые песней ротного запевалы, не зная, кому из них предстоит выжить, а кому навсегда остаться в Кавказской земле.

25 июня 1805 года

Карабаг, Шуша, дворец хана

Выйдя из дворца, Лисаневич вздохнул. Разговор с Ибрагим-ханом не шёл из головы. Его сын Абул увёл практически всю ханскую конницу к персам. Город будоражило. Все ждали, что в Шушу со дня на день ворвутся нукеры Аббас-Мирзы. Перед ним готовились открыть ворота, как некогда перед Ага-Мухаммед-Каджаром. Правда, в то время это не убедило правителя Персии отказаться от резни. Не убей его собственные придворные, кто знает, чем бы всё кончилось. А теперь, пожалуй, только присутствие русского войска сдерживает горожан от более решительных действий.

Майор надел шляпу. Немного постоял на крыльце, вдыхая летний аромат сада, разросшегося перед ханским дворцом, и слушая разноголосый щебет птиц.

Страшно представить, что бы творилось в Шуше, откажись Лисаневич последовать за Мухаммедом на выручку его родителя. Сотня всадников, пусть даже самых лихих, вряд ли смогла решить эту проблему. Их бы попросту перекололи, а то и к персам переметнуться заставили по примеру остальных. После чего расправились бы с ханом и его семьёй. А что стало бы с нею?..

Сам не заметил, как спустился со ступеней и пошёл бродить аллеями сада. Здесь и увидел её. Стройную, в облегающем платье с длинными рукавами и... такую одинокую. Даже не удивился, поскольку думал именно о ней. Только дыхание спёрло, как в тот раз, когда их глаза первые встретились.

– Султанет... – выдохнул с душевным трепетом.

– Здравствуйте, Дмитрий Тихонович, – нежно пропела девушка, и сердце сурового воина забилося пойманной в силки птицей, повиснув на тонкой ниточке, готовой оборваться в любое мгновение. – Вы говорили с отцом?

Боже, как пышет жизнью её белое личико. Как ладно лежат на бугрящейся груди, туго обтянутой бархатной материей платья, две длинные косы, спускающиеся из-под белоснежного платка. Как невинно и ярко играют на солнце монеты, свисающие с шапочки на лоб, над красиво изогнутыми чёрными бровями, похожими на крылья летящей чайки. А этот узкий серебряный пояс с подвеской, застёгнутый вокруг осиной талии...

– Уи, мадемуазель, – опомнился Лисаневич, вдруг забыв русские слова.

Султанет засмеялась. Раскатисто, звонко. Словно бубенчики зазвенели.

– Ах, оставьте, ради бога. Ваш французский ужасен. Давайте лучше попрактикуемся в армянском.

– Давайте, – поспешил согласиться, испытывая страшное смущение.

– Так вы говорили с отцом? Нам что-то угрожает?

– Говорил. Не беспокойтесь, Султанет-бегим, вы в полной безопасности.

– Вы, право, решили меня обмануть. Думаете, я маленькая, наивная девочка, ничего не знающая о том, что творится вокруг?

– Нет, что вы. И в мыслях не было. Просто хочу заверить, что под моей защитой вам совершенно нечего бояться. Уж мои-то чудо-богатыри сумеют защитить и вас, и вашу семью.

– При условии, что моя семья будет как прежде верна российской короне, – смело заявила принцесса. – Но вдруг обстоятельства вынудят отца поступить иначе, что тогда? Вы волшебным образом превратитесь из защитника в палача?

– Зачем вы так, – насупился майор.

– Отвечайте же. Я хочу знать правду.

Лисаневич горько вздохнул. Как же права эта милая девочка. Всё вокруг пропитано изменой. Кажется, только семейство хана ещё хранит верность. Если, конечно, не считать Абул-Фетха. Но и сам Ибрагим хитрец, каких мало. Сегодня так, завтра эдак. И не поймёшь, куда в итоге повернёт. В конце концов может изменить и он.

– Я сделаю всё, чтобы спасти вас, Султанет-бегим, – горячо заговорил майор. – Пусть рушится мир, пусть все предадут, я всегда буду рядом с вами, потому что люблю...

– Нет! – девушка метнулась к нему с кошачьей грацией и закрыла холодными пальчиками его губы. Зашипела: – Не смейте. Вы не можете...

– Могу! – Он убрал её руку, прижав к своей груди. – Послушайте, как бьётся моё сердце. Оно разрывается на части от любви к вам.

– Прекратите!

Девушка вырвалась и смотрела испуганно, широко распахнутыми глазами. Некогда бело-снежные щёки налились ярким румянцем.

– Дели-майор! – послышался сзади знакомый голос.

Лисаневич обернулся и в конце аллеи увидел Мухаммеда. Тот быстро подошёл. Заметив сестру, нахмурился:

– Султанет, что ты здесь делаешь одна?

– Прогуливалась по саду, – на удивление спокойным голосом ответила девушка.

– Иди к себе.

Она грациозно поклонилась:

– До свидания, Дмитрий Тихонович, – сказала кротко и вдруг улыбнулась так лучезарно и застенчиво, что у бедного майора снова перехватило дыхание.

Вяло козырнув, он ещё долго смотрел вслед удаляющейся девушке, любуясь её точёной фигуркой.

– Эй, слушай, – привёл его в чувство Мухаммед. – Я понимаю, конечно, что моя сестра первая красавица в Карабаге, от которой легко потерять голову, но нас немного ждут мужские дела. Давай не отвлекаться. Пир-Кули-хан, между прочим, отправился со своим отрядом дальше на север.

– Значит, штурма не будет?

– Ха! Не такой он дурак, чтобы штурмовать неприступный замок. Многие до него пытались, имея гораздо больше, чем десять тысяч воинов, да только зубы обломали.

– Получается, мы деблокированы, – задумчиво пробормотал майор.

– Это как сказать. Разъезды остались. Неизвестно когда подойдёт Аббас-Мирза с основными силами. Он ещё через Аракс не переправился. Возможно, решил подождать Баба-хана, чтобы сообща напасть.

– Главнокомандующий направил к нам батальон Карягина с двумя орудиями. Требует, чтобы я вышел ему навстречу для соединения.

– А как же Шуша? – недоуменно поднял брови Мухаммед.

– Полагаю, город планируется оставить на попечение ваших собственных войск.

Принц зло прищурился:

– Смеёшься, да? Сам ведь знаешь, как только вы уйдёте, город немедля сдадут персиянам.

– Знаю.

– Тогда чего же ты...

– Спокойно! – Подняв руку, Лисаневич оборвал не в меру горячего принца. – Я всё понимаю. Поэтому мой батальон останется здесь.

– Ай, молодец, Дели-майор! – обрадованный Мухаммед набросился на русского с объятиями. – Дай-ка я тебя расцелую, родной. Ты настоящий мужчина.

Убрав, наконец, колючую бороду от лица Лисаневича, принц возбуждённо крикнул, уже убегая по тропинке в сторону ханских покоев:

– Пойду, порадую отца!

Майор не стал говорить, что недавно сообщил Ибрагим-хану об этом решении. Только посмотрел с тоской вдоль тенистой аллеи, туда, где скрылась красавица Султанет. Разве можно поступить по-другому, бросив её здесь? Нет, на такое он нипочём не согласен.

Глава 6, в которой тает надежда на соединение Карягина с Лисаневичем

24 июня 1805 года

Карабаг, урочище Кара-агач-Баба на реке Аскарань

...Опять карабкаться вверх. Сколько же можно!

То с горы, то в гору. Оседлали высоту. Прицелились. Залп. Вторая шеренга вперёд. За ней третья, пока другие заряжают. И бегом до следующей вершины.

Рассыпным строем. В пороховом дыму. Под вражьи пулями.

Неимоверно печёт солнце. Горячий воздух обжигает лёгкие. Дыхание сбивается. Пот заливает глаза.

Поручик Емельян Лисенко утёр лицо. Бесполезно. Будто не шляпа на голове, а перевернутое ведро с водой. Насквозь мокрые перчатки давно утратили свою белизну. Почернели от пыли и копоти.

Ноги немеют. Шутка ли, с раннего утра по горам скакать. Не на коне, как майор Котляревский, а пёхом, если солдатским языком выразиться.

Шесть часов без малого продирался батальон сквозь толпы заседающих персов. Четырнадцать вёрст от самой реки Шах-Булах одолели с боем.

Стоило её перейти, тут же нарвались на персидские разьезды. Верный признак того, что неприятель совсем близко. И точно. Часа не прошло, как на отряд налетела конная лава. Тысячи три, если не больше.

Емельян уже думал, что всё, отвоевался. Положат их сейчас персияне. Разве могут пять сотен устоять перед такой силищей? По всем правилам – нет.

Но Карягин скомандовал «в каре!»

Забегали, засуетились егеря с мушкетёрами под барабанную дробь, выстраиваясь в ровную коробку.

– Штуцерники, вперёд! – не унимался полковник.

А куда «вперёд»? На конницу? Под сабли?

Команды стрелков подались в стороны и встали растерянные. Лисенко со своим взводом, входившим в отряд капитана Парфёнова, увлекаемый общим потоком, тоже вывалился из строя. Смотрел то на скачущих персов, то на командира, ошалело озиравшегося в поисках выгодной позиции.

Неизвестно сколько бы так стояли, не появившись Котляревский, проскакавший верхом к ближайшим высотам, крича на ходу:

– Слушай меня! Клюкин слева! Парфёнов направо! Вихляев со мной! Быстрее!

Вот когда началась беготня. Никто и подумать не мог, что продлится она несколько часов.

На занятой высоте к Лисенко вернулась былая уверенность. Вспомнил, какие команды следует подавать. Прокричал первую. Горло предательски дало петуха. Поручик закашлялся. Но егеря своё дело знали. Взяв неприятеля на прицел, дали дружный залп.

В штуцерниках только умелые стрелки, в основном унтер-офицеры. Уж эти-то не промажут.

Грянули выстрелы и с других высот. Стрельба велась непрерывно. Конники падали. Нет, сыпались, будто сухие листья с осенних деревьев. И чем они ближе, тем гуще устилали землю своими телами.

Перестроившийся в каре батальон продолжал идти по низине.

– Парфёнов! На ту вершину! – слышится зычный голос Котляревского, и егеря, сбегаят вниз, набирая скорость, чтобы скорее взобраться на противоположный склон.

Пока бегут, отстреливается каре. Вот и вершина. Встали, прицелились... Всё повторяется.

Лисенко мало что соображал. За него работали рефлексы. Страх гнал вперёд, за бегущими егерями. Боясь отстать, поручик носился вместе с ними, как угорелый. Куда Парфёнов бросал свой отряд, туда и он. Задыхался, едва переставляя ноги, но бежал.

Следующая высота. Отстрелялись, прикрывая медленно ползущее каре, и дальше. Только вперёд. И нет времени задуматься – куда, зачем?

– На тот холм! Сбить неприятеля! – шпага майора указывает на соседнюю вершину.

Там столпились конные персы, направив длинные фитильные ружья на марширующий внизу батальон. Идти на них? Но ведь тогда они откроют огонь по наступающим...

Егеря бросаются в атаку. Страх снова гонит Емельяна за солдатами. Всеми силами стараясь втоптать свои чувства в землю, поручик проворно взбирается по склону. Свистят пули, иногда прерываясь коротким «чвак!». И тогда падает рядом егерь, а то и два, роняя штуцер и нелепо дёргая руками. Стараясь не обращать на это внимания, поручик заставляет себя карабкаться дальше.

– Плииии! – орёт истерично, едва головы егерей показываются над вершиной.

Залп, и сквозь дым в рукопашную.

Но не с кем драться. Персы удирают с холма, нетерпеливо нахлёстывая коней.

Остаётся только стрелять вдогонку, поджидая, когда пройдёт каре. И снова опрометью вниз, к очередному холму...

Неизвестно, сколько бы это длилось. Карягин вовремя заметил плоский курган с разбитым на нём татарским кладбищем. Небольшой минарет и надгробные камни вокруг. К тому же окопано со всех сторон. Готовый редут. Можно хорошо закрепиться.

Теперь штуцерники, тяжело дыша, разбегаются по краям кладбища, занимая позиции.

– Третья... шеренга... заряжай! – выдавливает Емельян и в изнеможении опускается на ближайшую могильную плиту позади своего взвода.

Стрелкам, впрочем, напоминания ни к чему. Достав патрон, уже откусывают пулю, сыпят порох в ствол. Передний ряд целится в гарцующих в отдалении всадников, больше не рискующих нападать на злых, огрызающихся русских.

Конские упряжи тянут по склону вверх оба орудия. Артиллеристы в мокрых от пота мундирах, прильнув к лафетам, помогают руками.

– Давайте, ребята! Немного осталось! – подбадривает их командир, подпоручик Гудим-Левкович.

Он спрыгивает с коня и присоединяется к солдатам, хватаясь за спицу пушечного колеса и натужно толкая её вперёд.

– Быстрой, быстрой, родимые! Вот, вот... Веселей пошла!

Преодолев подъём, орудия растаскивают по сторонам. Живо снимают с передков, устанавливая стволами к неприятелю. Следом, тархтя на камнях, взбирается обоз. А на курган уже марширует батальонное каре с развёрнутым знаменем, под мерный стук барабанов.

Ну, слава богу! Не надо больше никуда бежать. По крайней мере, прямо сейчас. Хоть немного дадут отдохнуть.

24 июня 1805 года

Карабаг, урочище Кара-агач-Баба, мусульманское кладбище

Нет, не знал Карягин об этом кургане с мусульманским кладбищем. Зато был у него проводник – друг-армянин, подсказавший надёжное место, где смело можно расположиться на отдых. Даже на глазах уседающего неприятеля.

Друга этого звали Ованес или проще Вани. Он из меликов, то есть потомок знатного армянского рода. Правда, отец Ованеса работал простым ремесленником – занимался ювелирным делом. Сын помогал ему в мастерской, но недолго.

Ибрагим-хан, насаждая свою власть в Карабаге, вёл постоянные войны с меликами Хамсы, как называли этот край сами армяне. В стране лилась кровь, собирались на битву конные рати. То здесь, то там раздавался звон сабель. Стал ареной кровавых схваток и Джраберд, родное меликство Вани, раскинувшееся в живописнейшем уголке Карабага между горными реками Тартар и впадающей в него Хачен. В тех местах и жил Ованес, чьё селение именовалось Касапет.

Оставив отцовскую мастерскую, он взял ружьё, сел на коня и в тайне от родных покинул отчий дом. Подался к джрабердскому мелику Ровшану, сражавшемуся со всеми, кто приходил с мечом на его землю: с персами, с ганжинским ханом Джавадом, с карабагским Ибрагим-ханом и прочими завоевателями. Со временем возглавил один из конных отрядов и получил прозвище Вани-юзбаши, что значит «сотник Вани».

Надежды на избавление от постоянных набегов и произвола карабагского хана мелик Ровшан возлагал на русскую армию, безоговорочно веря в силу её оружия. Вместе с князем Цициановым он осаждал Ганжу. Храбро сражался там и его сотник Вани.

Когда город пал, Ровшан перевёз туда свою семью. Вслед за ним Джраберд покинуло ещё около трёхсот армянских семей, спасаясь от гонений Ибрагим-хана. Они обосновались в окрестностях Елизаветполя. Но невероятная жара, непривычный климат и необустроенность породили болезни. За лето умерло порядка пяти сотен человек. Беглецам пришлось искать другое место. Настоящим спасением для них стала деревня Восканапат в том же Ганжинском ханстве, где оказалось более прохладно.

Среди этих переселенцев был и Ованес. Только не стал он покидать захваченный город. Остался в Елизаветполе, где сдружился с полковником Карягиным, под началом которого штурмовал стены Ганжинской крепости. Карягин помог обустроиться на новом месте. Его полк составлял городской гарнизон и одновременно вёл наблюдение за неприятельскими партиями, снующими повсюду в поисках лёгкой наживы. Житья от них не было. Вот и взялся сотник Вани выслеживать этих разбойников. А потом вместе с егерями гнал прочь с вновь обретенной земли.

Узнав, что Карягин выступает против персов, Ованес взял несколько верных людей и, не раздумывая, примкнул к нему.

– Я пригожусь, – сказал полковнику. – Никто не знает этих мест лучше меня.

Действительно, пригодился. Вряд ли шеф полка в пылу боя обратил бы внимание на торчавший вдалеке минарет. Вани подсказал, что там очень выгодная позиция. И вовремя.

Когда уставшие, измотанные непрерывным шестичасовым боем люди взошли на курган, им открылся вид на большой лагерь персов, разбитый на берегу реки Хачинчай, протекавшей верстах в четырёх впереди. Там, как выяснилось, расположился весь десятитысячный авангард Пир-Кули-хана. Через него бы точно не пробились.

– Обоз вагенбургом ставь! – скомандовал Карягин, с тревогой всматриваясь вдаль. – Стрелкам и артиллерии копать валы. Укрепляться!

Полковник обернулся, внимательно посмотрев на минарет. Башня торчала позади позиции. Он постоял в задумчивости, потом завертел головой, обшаривая глазами изготовившихся к бою штуцерников.

– Майор Котляревский! – позвал командира батальона, зная, что тот где-то поблизости.

– Слушаю, ваше превосходительство! – Рядом незамедлительно вырос подтянутый майор.

Молодое скуластое лицо в потных разводах, мокрые, взъерошенные бакенбарды, смешно вздёрнутый нос, тонкие губы и ямка на подбородке. Близко посаженные глаза выдают усталость, но горят решимостью.

– Пётр Степанович, будь любезен, – как можно спокойнее произнёс Карягин, – один взвод посади в минарет. Оттуда неприятелю хорошо вредить, и люди надёжно закрыты.

– Понятно, – Котляревский глянул полковнику через плечо, помахал кому-то. – Парфёнов! Господин капитан! – позвал одного из командиров при штуцерниках и сам пошёл навстречу.

Молодец, налету схватывает. Не только прекрасный офицер, но и друг, не раз проверенный в сражениях. При штурме Ганжи один из первых влез на крепостную стену, когда брали предместья, причём без лестницы. Там-то ему ногу и прострелили.

А на марше как себя вёл! И это кроткий, скромнейший во всех отношениях человек. Сын священника, он вполне мог пойти по стопам отца. Но судьбе, как видно, было угодно направить в его дом в Харьковской губернии будущего командира 17-го Егерского полка Лазарева, тогда ещё подполковника, ныне безвременно почившего. Приметил он паренька да позвал к себе – с родительского благословения, разумеется.

С четырнадцати лет служит Пётр. В семнадцать уже подпоручик. Теперь вот майор. Произведён в этот чин за подвиги при взятии Ганжи. По праву, ничего не скажешь, хоть ему двадцать три только-только исполнилось, как раз когда персы в Карабаг вошли...

– Атакуют, ваше превосходительство, – отвлёк от размышлений напряжённый голос полкового адъютанта Павленко, внимательно наблюдавшего за персидским лагерем.

Смышлёный парнишка этот поручик. В полку четыре года как. Начинать с юнкеров. Откуда он родом? Ах, да, из Ромны. Малоросский дворянин. Будет жаль, если убьют. Ему бы жить да жить. Да что там, всех жаль – и солдат, и офицеров.

– Ваше превосходительство?

– Не дадут нам отдохнуть, господин поручик, – слабо улыбнулся Карягин, глядя на беспокойное море мчавшейся персидской конницы, перекатывающее свои живые волны через холмы. Прищурился на солнце. – Сколько сейчас? Около пяти часов?

– Думаю, да.

– Передайте приказ: подпустить неприятеля на дистанцию, после чего бить по нему дружным огнём из ружей и пушек одновременно.

Адъютант вскочил в седло и поскакал вдоль строя, разыскивая ротных командиров.

– Послушай, Вани, – повернулся Карягин к армянину, – твои люди смогут пробраться в Шушу?

– Если хорошо постараются... – уклончиво ответил проводник.

– Нужно доставить предписание Лисаневичу, чтобы поспешил к нам. Заодно Ибрагим-хан пусть карабагскую конницу пришлёт. Одни мы здесь ничего не сделаем, сам видишь. Так что надо постараться, Вани.

– Раз надо, значит постараемся. – Лицо армянина расплылось в лучезарной улыбке.

Толпа конных персов, похожая на цунами, которое вот-вот поглотит маленький, затерянный в предгорьях курган с окопавшейся на нём горсткой русских, неслась, улюлюкая, словно разбойничья ватага.

Слаженный залп егерей, мушкетёров и артиллерии буквально смёл передние ряды.

Персы замешкались, преодолевая тела убитых. Едва начали новый разбег, как опять наткнулись на плотный огонь егерей.

Не выдержали, побежали.

Потом снова пошли в атаку, пытаясь штурмовать то конницей, то пехотой. Выкатили на ближайшие высоты лёгкие фальконеты, поддерживая наступление артиллерией. Ничто не помогало.

До ночи так и не подобралась к кургану, оставив на поле горы трупов, сплошь устлавших землю.

Гаврила Сидоров, тот самый ротный запевала, стоя в своей шеренге, утёр с лица пот.

– Что я говорил, братцы? Мы ничем не хуже персиян ковры умеем ткать. Гляньте-ка на это вот, – широким жестом обвёл рукой долину, где в быстро сгущающихся сумерках белели окровавленные тела. – Чем вам не персидский ковёр?

Строй взорвался дружным солдатским хохотом.

Глава 7, в которой Пир-Кули-хан осаждает Карягина

26 июня 1805 года

Карабаг, Шуша, Елизаветпольские (Ганжинские) ворота

Удивительно звёздное небо нынче. И полумесяц такой золотистый, блестящий, словно с пика мечети сорвался и взмыл в ночное небо, чтобы там засиять.

Повсюду темень. Только звёзды и видно да бесконечную вереницу факельных огней далеко внизу, по дороге в Елизаветполь. Шикарный вид. Майора Лисаневича, похоже, специально среди ночи подняли, чтобы мог насладиться этим зрелищем. И компания подобралась достойная, сплошь местные принцы. На крепостную стену с ним поднялись Мухаммед с восемнадцатилетним сыном Джафаром и его брат Мехти.

– Значит, Аббас-Мирза всё-таки переправился через Аракс, – пробормотал Мухаммед, задумчиво глядя на дорожку из факелов.

– Сразу на Ганжу пошёл? – удивился Мехти.

– А что ему здесь делать? Шуша неприступна, и он это знает.

– Там полковник Карягин со своим батальоном, – подал голос Лисаневич. – Вёрст двадцать пять отсюда. Ведёт бой с авангардом персиян. Сегодня днём от него пришёл человек с предписанием идти навстречу.

– И что, пойдёшь? – Старший принц с явным сомнением кивнул за стену.

Майор поморщился:

– Мы это уже обсуждали. Нет смысла воевать с персиянами, если потеряем Шушу.

– А как же твой полковник? Ведь разобьют его. Смотри, сколько персиян в ту сторону потянулось.

Лисаневич скрипнул зубами. Да, несладко приходится Карягину. Аббас-Мирза вон, с крупным подкреплением на подходе. К утру, того и гляди, на месте будет. Навалится всей силушкой да и раздавит неполный батальон русских, наверняка уже понёсший потери.

На сердце скребли кошки, но майор выдавил:

– Он справится. В крайнем случае пробьётся к нам, в Шушу.

«Сам-то в это веришь?» – спросил себя, ожидая скептических усмешек от собеседников.

Но те помалкивали, сосредоточенно всматриваясь в темноту.

– Слушааай! – разрезал тишину далёкий окрик часового.

– Слушааай! – отозвался другой, поближе.

– Слушааай! – прокричал невидимый страж совсем рядом.

Теперь переключка отдалялась, обегая посты, расставленные по всей стене. Пролетит по периметру крепости, миновав более двух вёрст и затихнет ненадолго, чтобы со временем зазвучать вновь. И так целую ночь...

– Карягин-то на тебя надеется, Дели-майор. – Мехти-ага сказал это без укора, вроде даже с долей сочувствия.

Но Лисаневича его слова почему-то разозлили.

– Равно как на вашу конницу, – процедил он сквозь зубы.

Мехти нервно дёрнулся, наверняка собираясь ответить грубо, но встрял старший брат:

– Он и отцу написал?

– Да. – Майор не стал вдаваться в подробности, жалея, что вспылит.

Зачем, в самом-то деле, срывать злость на ни в чём не повинных принцах, преданность которых не вызывает сомнений. Покрепче ханской будет.

– Что сказал отец?

Лисаневич нахмурился:

– Ответил, что вся его конница уже там, и командует ею его сын, Абул-Фетх.

Промолчали. Правильно, нечего сказать. Знают, что Абул присоединился к Пир-Кулихану и сейчас наверняка воюет против Карягина.

– Надеюсь, что твой полковник доберётся сюда живым, – Мухаммед успокаивающе похлопал по плечу. – Мы будем просить Всевышнего спасти его и других гяуров.

– Похоже, нам больше ничего не остаётся, – проговорил тихо Лисаневич.

– На всё воля Аллаха...

Утром, проезжая каменными коридорами шушинских улиц, майор никак не мог отделаться от мысли, что по его вине отряд Карягина может погибнуть. Но и оставив город он вряд ли сделает лучше. Пока русские в Шуше, форпост этот в их руках, а значит и весь Карабаг. Вот зачем здесь Лисаневич со своим батальоном. Вот ради чего прислал их Цицианов. Так почему же теперь наместник требует обратного, настаивая на том, чтобы идти на соединение с Карягиным? Неужели гибель одного батальона сравнится с потерей карабагской столицы? Ну, допустим, встретятся два русских отряда. Возможно, каким-то чудом им удастся остановить превосходящие силы врага. Пусть даже погонят персов прочь. Но потом вернуть Шушу вряд ли получится.

Нет, нельзя отсюда уходить. И ханская дочь здесь вовсе ни при чём.

Султанет... От одной мысли о девушке у Лисаневича ёкнуло сердце. Когда они ещё увидятся? И увидятся ли вообще?

Вздохнув, майор пришпорил коня и въехал под ажурную арку цитадели.

26 июня 1805 года

Карабаг, урочище Кара-агач-Баба, мечеть мусульманского кладбища

С высоты минарета русский лагерь виден, как на ладони.

Поручик Лисенко с тоскою следил через узкое окно за тем, как персидские фальконеты методично уничтожают отрядный обоз. Ядра с треском врезались в повозки, отрывая щепки, ломая дышла, колёса, слеги, а то и разнося их вдребезги. Взлетали фонтаны земли, ржали перепуганные лошади, коих и так едва ли половина осталась.

Форменный расстрел. Того и гляди, с землёй сровняют. А когда внизу станет некому держать оборону, за мечеть примутся, где засел отряд Емельяна в тридцать егерей с одним унтером да тремя мушкетёрами. Сомнут их. Как пить дать, сомнут.

Нет, не о таких битвах он грезил, когда ехал сюда на службу из родного Хорола четыре года назад вместе со своими земляками-дворянами Ильяшенко Петром и Корнеевым Ваней. Пётр его ровесник, Ваня же сущее дитя, на девять лет младше.

Все поступили в полк юнкерами.

Сколько было разговоров, предвосхищавших будущие походы! Каждый мнил себя былинным богатырём, смело бросающимся в гущу сражений.

И вот, наконец, первое выступление в Бамбакскую провинцию, где из тридцати трёх деревень сбежали взбунтовавшиеся магометане вместе со своими агаларами. За границу подались, к Эриванскому хану. Пришлось отправиться в погоню, чтобы вернуть беглецов на место и привести к присяге на верность Его Императорскому Величеству.

Вроде, ничего сложного, но впечатления были неопишемые. Главное – гордость за то, что все испытания, выпавшие на их долю во время похода, они перенесли с честью.

А потом князь Цицианов повёл войска на Ганжу.

Ох, как же старались юные дворяне из Хорола показать свою храбрость. Лисенко преуспел. Первым взобрался на крепостной вал вместе с вверенными ему егерями. А вот Корнееву не повезло. Вытесняя персиян из садов, он получил тяжёлую рану, от которой скончался через три месяца.

Емельян и Пётр уже на исходе второго года службы получили офицерские звания, а Ваня по молодости лет засиделся в юнкерах. Стал подпоручиком лишь в позапрошлом году, в конце ноября. Подпоручиком же и помер.

После этого что-то надломилось в Емельяне. Он перестал рваться в бой и почти не общался с Ильяшенко. Если отправят на баталию, то пойдёт, никуда не денется. Но сам, по доброй воле подставлять голову под пули да татарские сабли ни за что не станет. Он ведь так молод. Столько ещё впереди...

– Да что ж такое деется-то, ей богу, братцы! – заголосил кто-то из егерей, толпившихся у бойниц. – Это ж натуральное смертоубийство получается. Неужто управы на вражки батареи не найдут?

– Ага, найдёшь на них, – прошамкал сидевший у стены солдат, пытавшийся рассосать твёрдый сухарь. – Скорее они на нас управу найдут. Вона, ручей загородили, а мы теперича без воды сидим.

Да, с водой тяжко. Из этого ручья хоть как-то удавалось её набирать. Потому персияне и установили там свои фальконеты. Не подпускают ни на шаг. Очень скоро солдатские флаги опустеют. Злое кавказское солнце изжарит людей. Тогда врагу даже атаковать не придётся. Достаточно подождать, пока русские не перемерут от жажды.

– Надо сдаваться, – неожиданно для себя выдал Емельян.

Солдаты удивлённо уставились на поручика. Наверняка, между собой лишь о том и судачили, стервецы, чего совсем не ожидали услышать от офицера.

Усатый унтер подсел к Лисенко.

– А что, ваше благородие... Может, и в самом деле того... К персиянам рванём? Я слышал, они хорошо за службу платят.

– Это если в басурманина обернёшься, – хохотнул какой-то солдат.

– Не обязательно, – поспешил разубедить его поручик, понимая, что нужно ковать железо, пока горячо. – Вера у каждого своя. Захочешь стать магометанином, станешь. Нет, ну и не надо. Твоё дело. Деньги платят всем одинаково... Так что решили? Кто со мной сдаваться идёт?

Пошли все. Перспектива умереть от жажды или пушечного ядра никого не прельщала. К тому же, как виделось, это дело времени...

26 июня 1805 года

Карабаг, урочище Кара-агач-Баба, лагерь отряда Карягина

Адъютант придержал полковника за руку, помогая опуститься на барабан, поставленный возле разведённого егерями костра.

– Благодарю, поручик, – тихо произнёс Карягин.

Упёр трость в землю перед собой, сложив на неё ладони. Подбородок бы сверху взгромоздить, да боязно. Головы потом не поднять.

Гудит она, словно медный таз. И кружится.

О камень крепко приложился, когда взрывом на землю бросило. Черепушка-то уцелела, только внутри всёстрясло. Ещё и в грудь чем-то тяжёлым садануло. Дышать чертовски трудно, и боль тупая. Мучает, спасу нет.

Сейчас бы лечь, потянуться сладко. Иль спину прислонить к опоре какой. Расслабиться... Да рана не даёт. У персиян пулю выхлопотал, пока крутился между шеренгами. Теперь вот мундир испорчен. Дыра на спине такая, что белую повязку видать. А вокруг бурое расплывшееся пятно. И на смену ничего не взял.

Сотоварищи постарались, на совесть забинтовали. Пряма корсет, а не повязка. Лишний раз не наклониться. Сиди себе прямо, будто шпагу проглотил, да смотри, как офицеры подходят, выстраиваясь в полукруг перед костром.

М-да, вид у них ничуть не лучше. Перепачканные лица. Грязная, в пятнах крови форма. Местами рваная. Майор Котляревский сильно налегает на трость. Нога забинтована выше колена прямо поверх зелёных панталон. Пуля навывлет прошла. Не повезло – снова в ногу, как в прошлом году при Ганже. Долго же он провалялся тогда с ранением этим.

Капитан Татаринцов из Тифлиссских мушкетёр тоже хромает, как и Жудковский, его подпоручик. Обоих подстрелили ещё на марше. Капитан командовал фасом в каре, а Жудковский взводом. Когда солдаты подняли раненого Татаринцова на руки, его место занял поручик Егулов, уже из егерей. Армянин по национальности, выходец из грузинских дворян, этот юноша носил редкое имя Рафаил. Службу в полку начинал ещё рядовым. Три года, как произведён в офицеры. Совсем недавно поручиком стал. Вёл за собою фас до самого кургана, геройски отражая все неприятельские атаки.

Павленко, адъютант, всегда готов прийти на помощь, да сам ранен. Под ним лошадь убило, нога прострелена. Однако держится молодцом.

А вон Гудим-Левкович, подпоручик 7-го артиллерийского полка. Стоит себе скромно в сторонке. Сам, вроде бы, цел, только дыра от пули в шляпе возле репейка. Видно, что измучен. Орудия друг от друга далеко расставлены. Бегаёт промеж них под неприятельским огнём, как заведённый, да людей своих гоняет в хвост и в гриву. Зато грех жаловаться на пушкарей. Стреляют часто, словно не из двух стволов, а всей батареей бьют. Но с каждым боем канониров становится всё меньше. Уже почитай целый расчёт потеряли...

Два дня минуло, как отряд Карягина занял мусульманское кладбище. До сих пор на кургане торчит, среди потрескавшихся каменных надгробий, будучи не в состоянии двинуться с места. Но и персы, несмотря на всё своё численное превосходство и непрекращающиеся атаки, не могут одолеть русских, сколько ни стараются.

Первая ночь принесла долгожданную прохладу, но никак не отдых. Помогали раненым, хоронили убитых, окапывали рвом сцепленные повозки. Какое-никакое, а укрытие. Наступающий день обещал быть жарким, причём вовсе не от солнцепёка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.